

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

**ВЫСОКИЙ БЛОНДИН
НА БЕЛОЙ ЛОШАДИ**

Наталья Вячеславовна Андреева

Высокий блондин на белой лошади

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=650565

Наталья Андреева / Высокий блондин на белой лошади: Астрель, АСТ;

Москва; 2011

ISBN 978-5-17-070973-1, 978-5-271-31969-3

Аннотация

Ее жизнь была как тысячи других жизней и казалась ей самой тусклой, скучной, неинтересной. Одинокая секретарша в обычной фирме, безнадежно влюбленная в своего шефа. Он – высокий красивый блондин, она – рыжая и глупая. По крайней мере, многие так считали.

И вот произошло странное: шеф обратил на нее внимание. А на другое утро она оказалась в следственном изоляторе подозреваемой в убийстве.

Кто и зачем ее подставил? И хватит ли у нее сил защититься? У нее, такой глупой и некрасивой? Но оказывается, она – человек экстремальных ситуаций.

И еще неизвестно, как обернется дело.

Содержание

Часть первая	4
Я любила	4
Я люблю	18
Я буду любить	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Наталья Андреева

Высокий блондин на белой лошади

Книга от начала и до конца лишь вымысел автора, любые совпадения имен и событий случайны.

Часть первая

От первого лица

Я любила

До сегодняшнего дня моя жизнь была похожа на сотни тысяч других таких же скучных жизней. Хотя... Она была хуже! Представьте себе самую тусклую, самую неинтересную, самую унылую и пустую жизнь – и она будет моя!

Подъем в семь часов сорок минут утра, будильник мог бы и не звонить, пять лет – срок вполне достаточный, чтобы выработался условный рефлекс. Как, впрочем, и для того, чтобы выработался другой условный рефлекс: вечером каждого дня, предшествующего новому, рабочему, заводить будиль-

ник. Скажите, зачем мы это делаем? Это и множество других бесполезных вещей? Зачем?

Я открываю глаза в семь тридцать девять, через пару секунд звонит будильник, я нажимаю на кнопку и еще десять минут думаю о том, что этот день мне не нужен точно так же, как и предыдущий. Но продолжаю делать бесполезные вещи: без десяти восемь поднимаюсь с постели, десять минут водные процедуры, в восемь ноль-ноль – завтрак. Двадцать минут на то, чтобы привести себя в божеский вид: причесаться, накраситься, одеться. В половине девятого – выход в свет. А уж дальше...

Дальше... Мой рабочий день начинается в десять ноль-ноль. Можно сказать: повезло. Только заканчивается он в двадцать ноль-ноль! При условии, что шеф не засиживается допоздна, иначе я вполне могу выйти из офиса и в полночь. И если вы думаете, что у крыльца меня ждет карета, то это напрасно. Ножками, ножками до метро. Переходы, слава богу, закрывают в час ночи! И тогда уже следует сказать: какая досада! Если ваш рабочий день кончается так поздно, а ехать до дома около часа, понятно, что никакой личной жизни нет. Есть работа.

В офисе следует быть без десяти. Иначе последует штраф. Живу я одна, то есть на свою зарплату, и рассчитывать мне не на кого, кроме как на себя. Поэтому я прихожу на работу без двадцати. На всякий случай, вдруг возникнут непредвиденные обстоятельства. Хотя я ни разу с ними не сталкива-

лась. Пробок на моем пути не предвидится: две остановки на троллейбусе (в случае чего можно и пробежаться) плюс метро. Но мало ли что? С гордостью скажу, что за пять лет работы в фирме у меня еще не было ни одного штрафа! Десять минут – это мое личное время. Посидеть в тишине и одиночестве, потому что телефоны внизу еще отключены, и попытаться прикрыть опоздавших. Иногда мне это удается.

Что касается фирмы, где я работаю секретарем... Очень давно я получила самое бесполезное в мире, где люди борются за место под солнцем, образование. Уточнять не буду. Я никогда не уточняю дату событий, которые произошли более десяти лет назад. Десять лет – это срок для меня предельный. А десять, как вы уже успели заметить, любимое число. Десять минут, десять лет. Все даты своей скучной жизни я по привычке делю на десять. Даже если в результате – целое число плюс остаток. Остатком можно пренебречь.

После окончания института с этим самым бесполезным дипломом я семь лет просидела в читальном зале библиотеки. А должна была просидеть десять. Ведь это мое любимое число! Но мне вдруг пришла в голову мысль круто изменить свою жизнь. Так оно и бывает. Мы живем, тоскуем, ноем, а потом вдруг решаем: все! С завтрашнего дня я начну жить по-другому! Жизнь круто меняется, но это только на первый взгляд. Через какое-то время вновь начинаешь тосковать. А то еще и подлые мысли лезут в голову: а раньше-то было лучше! В общем, я бросила работу в библиотеке и поступила на

курсы секретарей-референтов.

Мне было двадцать восемь лет, в группе я была самая старая и самая некрасивая. Мои шансы получить работу после вручения диплома были равны нулю. Откуда-то всплыл один процент, и мне улыбнулась удача! Меня взяли в небольшую, но процветающую фирму секретарем! О солнце! Наконец-то ты выглянуло из-за туч! Меня взяли с испытательным сроком в три месяца и с самой маленькой зарплатой!

Испытательный срок я выдержала, а зарплату мне прибавить забыли. Шеф вспомнил об этом только через год и, вздохнув, нехотя прибавил... пятьдесят долларов. Почти столько же, сколько я в месяц трачу на проезд и обеда. Засиживаться-то приходится допоздна! А отпуск и питание в нашей фирме не оплачиваются отдельно. Кто-то скажет, что это называется эксплуатацией человека человеком. Для меня же после семи лет сидения в читальном зале шеф был не просто благодетелем. Он был святым, который призрел убогую. На одни и те же вещи можно смотреть с разных сторон. Выбирать вам.

Однажды я сделала непростительную глупость. Шеф задумал изменить условия работы с оптовыми клиентами. Понизить скидку на полпроцента, а на оптовых партиях это солидные деньги. Один из наших менеджеров решил этим воспользоваться и ушел к конкурентам, сообщив им новые условия наших сделок. Я же, по простоте душевной, перед его уходом дала скопировать всю нашу базу данных, по-

скольку была не в курсе его планов. Я была преданна фирме, которая меня приютила, и считала, что остальные сотрудники также ей преданны.

Полпроцента стали решающими, наиболее крупные клиенты нас покинули. Шеф был в бешенстве. Хотя, согласитесь, это была его вина, а не моя. Надо ценить сотрудников, а тем более оптовых клиентов. Со мной провели длительную профилактическую беседу. Кроме меня в кабинете генерального директора присутствовали: он сам, коммерческий директор, начальник кадрового отдела и начальник службы безопасности фирмы. Четверо мужчин объясняли мне по очереди и хором, что такое коммерческая тайна и как надо ее хранить. Перепуганная насмерть, я поняла только одно: должность секретаря то же самое, что должность секретного агента. Попав в плен к врагу, надо умереть, но рта не открывать. Отныне даже на вопрос, как называется фирма, в которой я работаю, и чем она торгует, я только мычу. И краснею. Вам я тоже ничего не скажу. Вот так! Хоть режьте!

Кстати! Вам же интересно узнать, откуда у меня появилось время, чтобы рассказать подробности своей биографии! Просто в том месте, где я сейчас нахожусь, абсолютно ничего делать, кроме как вспоминать подробности биографии и выстраивать линию защиты. Это славное место называется следственный изолятор. Ну вы уже и так обо всем догадались. Это моя первая ночь в изоляторе. В камере нас семеро. Сейчас мои подруги по несчастью спят, я же уснуть не

могу. Как там говорится? Сплю на новом месте – приснишь жених невесте! Звучит невесело, если учесть, где я нахожусь. Но ведь я не замужем. Значит, невеста. Так что? Приснится? У вас, конечно, возник вопрос: как такая тупица и серость могла попасть в тюрьму? Вот это-то я и пытаюсь понять! И – увы! Ничего не понимаю!

Все началось с моей личной жизни. То есть с полного ее отсутствия. Забыла сказать: я была замужем. Более десяти лет назад. Представьте себе самую скучную и лишённую романтики историю знакомства и замужества – и она будет моя! Мы учились в одном классе. Мы сидели на соседних партах. Десять лет наше общение ограничивалось репликами: «Алгебру (химию, русский...) сделала? Дай списать!» Надо заметить, что училась я хорошо, он же был двоечником. Что не мешает мне спустя больше чем десять лет получать самую маленькую на фирме зарплату, а ему ездить на иномарке и вообще процветать. Но это уже другая история.

Что касается нашего короткого брака... На выпускном вечере мой сосед по парте расхрабрился, то есть выпил. И пригласил меня танцевать. Поскольку, растерявшись от такой наглости, я не отказала, он расхрабрился еще больше и пошел меня провожать. Вот тут уж я была настолько в шоке, что позволила себя поцеловать. С этого момента он счел, что имеет на меня права. Вскоре его забрали в армию, а я стала писать.

Наш роман в письмах длился два года. Как и положено. Я

поддерживала в нем желание выжить, не прибегая к использованию оружия в далеко не мирных целях. Благодаря мне он не застрелился на боевом посту, не сбежал из части, не совершил ни одного неуставного поступка. Любимая девушка ему не изменила. Было чем гордиться! Вернувшись, мой будущий муж застал меня такой, какой оставил два года назад. Честной девушкой. После этого ему ничего не оставалось, как жениться на мне, а мне – позволить ему довести дело до конца. Мы сыграли свадьбу, и я стала его женой. Первая брачная ночь окончилась к взаимному неудовольствию. Я рыдала, он ругался. Причем ругал меня, хотя виноват был сам: это у него не получилось. Так оно все началось, так и продолжалось.

Мужем и женой мы все-таки стали. Фактически, а не на бумаге. Если мужчина всерьез разозлится, он способен на многое. Даже если ему в жены досталась такая глупая, ничемная женщина, как я.

Забыла сказать, что являлось фундаментом нашего брака, без которого он не состоялся бы вообще. Итак, фундаментом была однокомнатная квартира моей бабушки. Когда я решила вступить в законный брак, бабушка переехала к моим родителям, я – в ее однокомнатную квартиру, а мой муж – ко мне. Через месяц мы поняли, что у нас нет общих точек соприкосновения. Ни телом, ни душой мы друг для друга не предназначены. Мой муж называл меня не иначе как «стервой» и «неумехой». Жалея денег, потраченных родителями

на свадьбу, и бабушку, лишившуюся отдельного жилья, я выдержала такой жизни год. Честно сказать, выдержала бы и больше. Я человек терпеливый и неприхотливый. Жила бы и сейчас со своим мужем под именем «стервы» и «неумехи».

Но, к счастью, у меня была лучшая подруга. На то они и подруги, чтобы нас спасать. Мы ровесницы, но учились в разных школах, хотя жили в одном дворе. У нее тоже есть однокомнатная квартира ее бабушки. Но в отличие от меня, дурехи, она переселила оттуда бабушку еще до замужества. Она никого не ждала из армии, но это не значит, что ее однокомнатная квартира пустовала. Ко мне подруга частенько забегала поделиться впечатлениями. Когда я вышла замуж, она по привычке продолжала это делать. Все чаще и чаще подруга не заставала меня дома. Будто не знала расписание моих занятий. Я училась на последнем курсе и была занята написанием диплома, она же горела желанием поплакать на моей груди. Повезло, что у меня был муж, а его грудь гораздо шире и надежнее моей. Я приходила домой и заставала их вместе. Они сидели на кухне и пили чай. Надо сказать, что в моей глупой голове не зародилось и тени подозрения. Я не представляла, чем можно заниматься с чужим мужем, кроме как пить на кухне чай.

И надо сказать, она тоже была честной. По отношению ко мне. Это же надо! Выдержала год! Прежде чем мой муж собрал чемодан и переехал в дом напротив. Поняв, что больше у меня взять нечего, подруга перестала ко мне заходить.

Таковы они, лучшие подруги! Вот она-то как раз и стерва, и неумеха. Без всяких кавычек. Мой муж получил то, что хотел. Благодаря неоценимым качествам моей бывшей лучшей подруги, мой бывший муж моментально очутился у нее под каблуком. Раньше он орал:

– Рыжая! У нас грязно! Вынимай пылесос!

Или:

– Неумеха! Жрать хочу! Неси свою паршивую стряпню!

А сейчас он благо разумно лезет за пылесосом сам. Сам же и пылесосит. Сам разогревает еду, а если разогревать нечего, сам же ее и готовит. Откуда я это знаю? От соседок, которые сидят на лавочке у подъезда. Не забывайте, что до сих пор мы живем в одном дворе! А Машка (так ее зовут) любит похвастаться благоверным. Как резво тот исполняет команду «к ноге». Об этом знает весь двор, почему бы не знать мне? Но я говорю это не со зла. У них двое прелестных детишек, и, честное слово, я за них счастлива! Только не понимаю, почему, завидев меня, мой бывший муж тут же отводит глаза и переходит на другую сторону улицы? Что я ему сделала?

С тех пор прошло много времени. Я по-прежнему одна. Господи, дуреха! Забыла сказать самое главное! А кто это я? Когда муж называл меня «рыжая», он несколько не преувеличивал. У меня, и в самом деле, рыжие волосы. Рыжеволосые люди делятся на два типа. Одни – красивые. У них фарфоровая кожа, настолько тонкая, что под ней видно каждую жилочку. А в жилочках видна пульсирующая кровь. У них

глаза, похожие на два маленьких солнца, а движения томные, плавные, преисполненные сознания собственной красоты. А есть рыжие некрасивые. Костистые, угловатые, с бледной кожей, сплошь усыпанной веснушками. На солнце она моментально обгорает, становится похожей на сырое мясо, а потом сохнет и шелушится. Ресницы у этих рыжих белесые, брови такие же, а взгляд унылый, потому что именно их и дразнят «рыжими».

Я как раз отношусь ко второму типу. Красивое у меня только имя: Диана. Но мне оно не идет. В школе меня никогда не называли по имени. Ни одноклассники, ни учителя.

– Кузнецова, к доске!

– Кузнецова, дай списать!

– Кузнецова, ты сегодня дежуришь!

Фамилия – самая моя. Она мне подходит. В детстве я напоминала кузнечика. Высокая, нескладная, вся из острых углов, локти торчат, колени торчат, уши торчат. Того и гляди, раздастся отвратительный треск: кузнечик издает звук, который должен означать музыку. Только на музыку это не похоже.

Окончив школу, я попыталась как-то преобразовать собственное имя. Чтобы было похоже на меня. Я расчленила его на слоги, потом на буквы. Клеила так и эдак. Дина, Ана, Ина... В итоге остановилась на следующей комбинации: Дана. Дана Кузнецова. Разрешите представиться. Через пять лет после развода я поменяла фамилию мужа на девичью.

Почему через пять? Это ровно половина от десяти. Разве надо еще что-то объяснять?

Чем в свободное от работы время занимается человек, чья личная жизнь равна нулю? Правильно! Он смотрит телевизор и читает книги. Мне тридцать три года, подруги замужем, а если и развелись, как я, то замужем по второму разу, иные и по третьему. Если не замужем, то у них есть дети. А у меня нет никого. Почему так? Согласно статистике кто-то должен оказаться в невезучих. Я всегда была жертвой. Роль, которую Дана Кузнецова добровольно взяла на себя.

Разумеется, у меня есть тайный роман. У моего тайного романа есть герой. Я мечтаю. Грежу. Если я не замужем и у меня нет мужчины, с которым бы я встречалась, мне остается только одно: быть безнадежно влюбленной.

И тут мне надо перевести дух, прежде чем открыть вам огромную тайну. Уф... Как это стыдно... Я... Я...

Я влюблена в своего шефа! Вот! Он высокий красивый блондин. Из-за него я уходила с работы последней. Со временем это вошло у меня в привычку: закрывать офис. Охрана стала доверять мне ключи. Я даже знала, где надо включать сигнализацию. А когда он уходил из офиса, бросив мне безразличное: «до свидания», я еще некоторое время прислушиваюсь к шагам в коридоре. А вдруг он передумает и вернется? И скажет, допустим:

– Вас подвезти?

Или еще что-нибудь нежное. Пять лет я была его предан-

ной секретаршей, а он меня не замечал и, как я думала, вряд ли знал мое имя. Для бывшего мужа я была «стерва» тире «неумеха». Для обожаемого шефа «секретарь в приемной». Мои самые смелые мечты не поднимаются выше его мужественного подбородка. И ниже его не опускаются.

Разумеется, он женат. Его жена – красавица. Его дочери двенадцать. И вообще он – совершенство. Из-за него я не замечаю других мужчин. Из-за него сейчас молчу. Хотя меня и обвиняют в чем-то ужасном. Я не имею права сказать, где и с кем провела ту ночь.

А быть может, мне все это только приснилось? Ведь его жена – красавица! Почти такая же высокая, как я, и мы ровесницы, но на этом наше сходство и заканчивается. Она блондинка. Она, как и он, – совершенство. Глядя на ее стрижку, мне все время хочется спросить имя ее стилиста. Хотя я и понимаю, что мне это поможет, как мертвому припарки. Недавно я решила и соорудила на голове нечто похожее. И даже подумывала перекрасить волосы. Но...

Теперь я не сделаю этого. У меня под рукой нет краски. И даже нет перекиси водорода, чтобы обесцветить волосы. Нет ничего, кроме моих воспоминаний. А еще мечты. В мечтах я почему-то всегда представляю своего высокого блондина на белой лошади. Как он подъезжает к моему дому, где я стою у двери в подъезд, подхватывает меня сильной рукой и сажает в седло впереди себя. Трогает шпоры, гикает, и мы стрелой уносимся вдаль. Туда, где море, пальмы и белый пароход.

Но лошадь... Лошадь – это обязательно. Наверное, таковы все романтические дуры, которым достается по заслугам. То есть поделом.

Должно быть, мне давно пора перейти к сути. К тому дню, который изменил мою жизнь. Раньше я сетовала на то, что она так скучна. Теперь я сетую на то, что она закончилась. Моя спокойная серая жизнь. Моя замечательная жизнь! Лучше бы так оно все и продолжалось!

А началось все с того, что произошло нечто не совсем обычное. Ха! Нечто не совсем... Нечто совсем необычное! Впервые в жизни я вернулась домой в три часа ночи! Подумать только! В три часа ночи!!!

Я! Дана Кузнецова! Вернулась, звенящая, легкая, как воздушный шарик, готовая воспарить к небесам! И в этот момент...

Впрочем, все по порядку. Следовательно так и сказал: вспомнить детально. В мельчайших подробностях. «От этого зависит твоя судьба». Следующие десять лет своей жизни я запросто могу провести в тюрьме. Или, как он сказал, «колонию особого режима». Вроде того. Я была так перепугана, что могу что-нибудь напутать. Поняла только, что это место для особо опасных преступников. Подумать только! Я, Дана Кузнецова, серая мышка-глупышка, и вдруг особо опасная преступница! Настолько опасная, что даже в камере ко мне относятся уважительно. Моя статья – самая серьезная.

Поскольку я хочу вернуть мою тусклую серую жизнь, я

буду стараться. Я буду вспоминать...

Я люблю

...Итак, я вернулась домой в три часа ночи. Увы! Было так поздно, что хуже этого ничего уже не бывает. Весь дом спал. Никто не видел моего триумфа. Некоторое время я ждала, стоя у двери в подъезд и с надеждой всматриваясь в темные окна: ну хоть кто-нибудь? Есть надежда на сплетню? Наш двор давно уже списал меня в архив. Я в файле, именующемся «список старых дев». О том, что я была замужем, все давно уже позабыли. Если уж не везет, то не везет везде. Никто не видел, что я вернулась домой в три часа ночи, и никто не видел, как я вернулась.

Вздыхнув с глубоким сожалением, я поднялась на свой второй этаж. Забыла сказать: наш дом пятиэтажный. Панельная пятиэтажка, запланированная под снос в году, который уже заканчивается. В месяце, который давно уже прошел. Обычное дело: графики сноса жилья и его строительства существуют сами по себе, они похожи на траектории полета космических крейсеров в фантастических романах. Выше них только звезды, а потому наш дом простоит еще долго. Сейчас на дворе уже декабрь, погода нынче отвратительная и отнюдь не декабрьская. Как говорят, на восемь градусов выше нормы. В такую погоду не хочется гулять под звездами. Хочется сидеть в тепле. Всем, кроме меня. Мне хотелось петь.

Все еще пребывая в состоянии эйфории, я поднялась на второй этаж и достала ключи от квартиры. Я открыла дверь своим ключом. Это очень важно! Утром, уходя на работу, я повернула ключ на один оборот против часовой стрелки. Вернувшись, повернула ключ в замке на один оборот по часовой стрелке. Я всегда так делаю. Красть у меня нечего, и одного оборота ключа вполне достаточно. Как будто, если бы было что красть, было бы достаточно двух! Но это моя логика, а единственное ее достоинство в том, что все числа кратны десяти. Как и один оборот ключа. Если события кратны моему любимому числу, значит, так оно все и было. И было со мной. Я вошла в квартиру и не заметила ничего необычного. Кстати, я близорука. В школе очков не носила, не носила их и в институте, и даже в читальном зале библиотеки, но за пять лет неотлучного сидения за компьютером зрение мое значительно упало, и теперь я ношу очки. Привыкла к ним так, что без очков чувствую себя голой. Выписали их год назад, но, похоже, что с момента последнего осмотра окулиста зрение еще подсело, потому что в сумерках я вижу плохо. И при плохом освещении. А в остальном ничего.

Я включила свет в прихожей и сладко потянулась. Мысли мои были заняты прошедшим вечером. Это был лучший вечер в моей жизни! Без преувеличения! Я сняла верхнюю одежду, бросила сумочку в прихожей и прошла на кухню. Потом в комнату. Потом обратно на кухню. Минут десять бесцельно ходила по квартире, пока не сообразила, что вре-

мя позднее, пора укладываться спать. Завтра надо выглядеть на все десять в квадрате!

Поэтому я тщательно смыла макияж, почистила зубы, расчесала волосы и улеглась в постель. И закрыла глаза, чтобы увидеть своего блондина и свою белую лошадь. И вдруг...

Я поняла, что мне мешают. Посторонний звук, отнюдь не похожий на лошадиное ржание, вклинился в мои мечты. Я не сразу сообразила, что под окном воет сигнализация. Опять запуталась! Воет сигнализация стоящей под окном машины! Я вздохнула, повернулась на бок и закрыла глаза.

Но... Если вы живете на втором этаже старой панельной пятиэтажки, а прямо под вашими окнами воет машина, вы меня поймете. Я в курсе, что есть двойные стеклопакеты. Возможно даже, что есть тройные. Но лично у меня нет денег и на одинарные. Рамы на окнах старые, рассохшиеся. Стекло обычное. Не пуленепробиваемое.

Минут пять я размышляла о типах сигнализаций. Бывают сигнализации, которые воют сериями. Сначала одна рулада, потом другая, в иной тональности, потом длинный протяжный звук, и все повторяется. Эти еще можно терпеть. Но когда нескончаемо и громко воют на одной ноте...

Этот тип сигнализации был самым противным. Я села на кровати и закусила губу. И стала вспоминать, что вообще знаю об автомобильных сигнализациях. Один мой знакомый говорил, что они питаются от аккумулятора. Они – это сигнализации. И как только кончается питание, кончается срок их

жизни. Моя, похоже, успела напитаться основательно, чтобы жить долго и счастливо, в отличие от меня, если еще какое-то время мы будем существовать параллельно: я в доме, она под окном.

«И когда сядет ее аккумулятор?» – подумала я. Машины у меня нет, и я в них не разбираюсь, а в сигнализациях и аккумуляторах – и подавно. Но я поняла, что питание скоро не кончится. До утра его хватит, мне же надо как можно скорее уснуть.

Я вновь легла и накрыла голову подушкой. В данной ситуации меня спас бы двойной стеклопакет. Увы! Пришлось встать и сделать ушные затычки. Из ваты. Я заткнула уши, вновь легла. Возможно, что в данной ситуации меня спас бы и одинарный стеклопакет. Но опять-таки – увы!

Мучилась я с полчаса. Потом, дав себе слово с каждой зарплаты откладывать на стеклопакет, встала с постели и подошла к окну. Как и следовало ожидать, под окном стояла машина. Ничего необычного я в ней не заметила. Разве что сигнализация... Подходить к машине никто не собирался. Равно как никто из жильцов не собирался принимать меры.

Состояние, в котором я находилась, не позволяло уснуть. Признаюсь честно, что за ужином было спиртное, а на людей непьющих оно действует особенно возбуждающе. Лично я была возбуждена до предела. Исчерпав меры воздействия, направленные на мою собственную персону, и поняв, что они не принесли результата, я ополчилась на машину.

Сначала я оделась, в прихожей накинула теплую куртку и вышла во двор. Машина выла, я подошла и сказала:

– Эй!

Как будто меня могли послушаться! Машина меня проигнорировала и продолжала выть. Ко всему прочему это была иномарка. А они самые вредные. Я обошла ее со всех сторон, словно хотела найти кнопку. Кнопка была внутри. А машина – заперта. И никто не собирался спускаться во двор, чтобы выключить сигнализацию. Я стояла около нее и понимала, что ситуация безнадежная.

Я подняла голову вверх и посмотрела на окна своего дома. Потом развернулась всем корпусом и посмотрела на окна соседнего. Неужели же у всех есть стеклопакеты? Судя по тому, что все окна оставались темными, моя догадка оказалась верной. Осознав, что с машиной справиться не удастся, я поднялась обратно в квартиру. Уснуть не было никакой возможности. Но кто-то же должен мне помочь?

Взгляд мой упал на телефон. Поразмыслив, я сняла трубку и набрала 02.

– Милиция, – зевнув, сказали на том конце провода. – Дежурный по УВД. Что у вас случилось?

– У меня под окнами воеет машина, – вздохнув, сказала я.

– Девушка, вы куда звоните? – рассердились том конце провода.

– В милицию.

– Ну а при чем здесь мы?

– Четыре часа ночи! А она воет!

– И что вы предлагаете? Прислать наряд? – съязвил дежурный.

– Да!

– Мы не имеем права взламывать чужую машину без всяких на то оснований.

– То, что она воет, как ненормальная, разве не основание?

– Надо постановление, – гнул свою линию дежурный. – И криминал. В том, что она воет, криминала нет.

– Ну сделайте хоть что-нибудь! – взмолилась я. – Хотя бы и без криминала!

– Подумаешь, машина воет! Не с ножом же на вас кидаются! И не в дверь ломятся. И не маньяк. Оперативная группа на выезде. В вашем лесопарке, между прочим, труп нашли, – припугнул меня дежурный. – А вы мне про какую-то машину!

– И что же мне делать? – с отчаянием спросила я.

– Ждать до утра, – посоветовал дежурный. – Если хозяин не объявится, вызовите участкового, он разберется.

– А до утра что делать?

– Спать! – рявкнул он.

– Но я не могу уснуть! А мне завтра надо хорошо выглядеть!

– Что вы мне голову морочите? – вконец разозлился дежурный и бросил трубку.

Я осталась наедине со своими проблемами. Вернее, с од-

ной проблемой: за окном по-прежнему выла машина. И все так же: на одной ноте. Я посмотрела на телефон, прикидывая, какие еще цифры можно набрать. 01? Приедут пожарные. Вою будет еще больше, весь двор будет на ушах, а потом меня оштрафуют за ложный вызов. Тогда прощай стеклопакет! 03? Они, конечно, приедут. И заберут в психушку. Мне нельзя в психушку, у меня завтра свидание. Хороша же я буду! Круги под глазами и зевота, которую невозможно сдержать! И это после стольких лет ожидания! Когда наконец улыбнулась удача! Позвонить в МЧС? Я напряглась, но так и не вспомнила, что надо сделать, чтобы вызвать спасателей. И вообще: занимаются ли они сигнализациями? Вряд ли. Вот если бы в машине кто-то был и он бы терпел бедствие... Пока же бедствие терпела только я. Положение было отчаянное.

Я еще раз проделала трюк с ушными затычками и подушкой. Никакого результата. Не в силах больше терпеть я встала и вновь оделась. Это был мой второй выход на улицу, к врагу.

На этот раз я осмотрела его, то есть ее, более тщательно. Это был «Фольксваген», о чем свидетельствовала эмблема. Темно-синего цвета. Не металлик. Номера московские, если я в этом хоть сколько-нибудь разбираюсь. 97 – номер региона. А это Москва. Машина была более или менее чистая. Мне показалось, что ее недавно мыли, хотя при такой погоде подтеки грязи, разумеется, имелись. Я подергала левую

дверцу. Заперто. Потом подергала заднюю левую. Результат аналогичный. Тогда я обошла машину и зачем-то попыталась открыть багажник. Будто там могла быть кнопка, отключающая сигнализацию! Разумеется, багажник тоже был заперт.

Я живу в этом доме давно и знаю наперечет все машины, которые паркуются в нашем дворе, знаю их хозяев и поименно всех владельцев гаражей-«ракушек». И тех и других поочередно и вместе песочат сидящие на лавочках старушки и домохозяйки. И перемывают им кости. Поэтому я даже знаю, откуда у кого машина: куплена ли на деньги от проданного наследства, на ворованные или доставшиеся по выигравшему лотерейному билету. Эта машина на все сто процентов была чужая. До сегодняшнего дня она у нас во дворе ни разу не ночевала. Я не знала ни ее, ни ее хозяина, а иначе бы поднялась к нему в квартиру и заставила спуститься вниз, к машине.

Машина выла. Все так же, на одной ноте. Мне показалось, что я схожу с ума. Если она не замолчит, я найду ломик и выбью ей стекла! Я даже огляделась: ничего подходящего под рукой не нашлось. Потом я подняла голову и отчаянно крикнула:

– Эй! Люди! Кто-нибудь! Убивают!

Должно быть, у них у всех, и в самом деле, были в окнах стеклопакеты. Причем, тройные. Ни в одном окне свет не зажегся. Впрочем, чего от них ждать? Будто если я вдруг услы-

шу ночью крик: «Убивают!» – опрометью кинусь во двор! Да я забьюсь под одеяло и пережду, когда все закончится! Но когда-нибудь мы сами можем оказаться в положении жертвы, а ни в одном окне на наш отчаянный крик не вспыхнет свет.

В общем, к пяти часам утра накал моих страстей достиг апогея. Когда человек сходит с ума, его посещают безумные идеи. Одна такая идея в пять часов утра посетила меня. Когда исчерпывается запас разумных поступков, приходит очередь неразумных.

Я снова поднялась в квартиру и решительно набрала 02.

– Милиция. Дежурный по УВД слушает...

– У меня под окнами воет машина.

– Девушка, это опять вы?! Да я вас сейчас...

– В багажнике труп, – отчеканила я.

– Где находится машина? По какому адресу? Записываю...

Я назвала свой адрес и повесила трубку. Раз опергруппа выезжает только при наличии трупа, пусть выезжает. Меня не интересуют последствия, но с сигнализацией они справятся. Больше я не хочу ничего...

Надо отдать им должное, приехали быстро. Должно быть, завернули к нам во двор по дороге из лесопарка. Чтобы пополнить коллекцию ночных трупов. Я стояла у окна и видела, как во двор въехала милицейская машина. Новенькая и тоже, кажется, иномарка. Из нее вышли трое мужчин. Все в штатском. С сигнализацией они справились быстро, равно

как и с замком багажника. Когда наступила тишина, я поначалу даже не поверила в чудо. У меня в голове по-прежнему что-то выло.

Минут через десять я пришла в себя. Какое же это блаженство! Тишина! Меж тем милицейская машина не уезжала. Близоруко щурясь, я пыталась понять, что там происходит, у синего «Фольксвагена», но понять причину возникшей суеты не могла. В конце концов, мне это было и ни к чему. Я получила, что хотела, и теперь могла, наконец, лечь спать. Уголовный кодекс я в жизни не читала и даже не открывала. Была уверена: в моем поступке нет ничего криминального. Подумаешь! Вызвала ночью наряд милиции без всяких на то оснований! Но с моей стороны основания были более чем достаточные. Я люблю. И хочу быть любима. Пусть человечество потрудится на благо моего личного счастья.

Был шестой час, когда я улеглась в постель, испытав неземное блаженство от тишины. Хотя там, за окном, разговаривали люди. Потом раздался шум мотора. Похоже, приехала еще одна машина. Но все это были пустяки по сравнению с отчаянным воем на одной ноте.

Мне даже удалось задремать. И когда позвонили в дверь, я открыла не сразу. Им пришлось звонить долго. И даже стучать. И даже кулаками. Во сне я испугалась. Мне показалось, что вновь сработала сигнализация. Вскочив с постели, я схватила с тумбочки очки и первым делом кинулась к окну. И только потом к входной двери. Распахнула ее рывком и...

На пороге стояли двое. Мужчины. Увидев меня, они почему-то застеснялись. Я же не сразу сообразила, что стою перед ними в ночной рубашке, которая хотя и не из кружев, но с глубоким вырезом и мне, женщине ростом под метр восемьдесят, коротка. Один мужчина был ниже меня ростом, другой чуть повыше.

– Это вы вызывали милицию? – сердито спросил маленький. Для меня, разумеется, маленький. На самом деле с ним все было в порядке.

– Да, – испуганно сказала я. Ну вот он и пришел, час расплаты!

– А как вы узнали, что в багажнике труп? – с интересом спросил тот, что был меня выше.

– Багажник-то был заперт! – возмущенно сказал тот, что ниже. Я поняла, за рост он сразу же меня возненавидел. С первого взгляда.

– Так вы... Вы...

– Сотрудники милиции. В просторечии – опера, – оскандился высокий. – Звали – встречайте! Разрешите пройти в квартиру, гражданочка? Как вас там?

– Дана. Дана Кузнецова.

Я все еще ничего не понимала. Какой труп? Сейчас мне сделают выговор за ложный вызов, возможно, выпишут штраф и...

– Куда прикажете? В комнату? На кухню? – не унимался высокий. – И... накиньте на себя что-нибудь. А то в глаза все

время лезут ваши ноги.

– А как вы узнали номер квартиры? Дежурному я этого не говорила!

Маленький посмотрел на меня, как на идиотку. А высокий рассмеялся:

– Ну, это самое простое в этом деле. А дело-то придется возбуждать! По факту убийства. Поскольку на трупе имеются ножевые ранения.

Я стояла, открыв рот, а высокий беззастенчиво меня разглядывал. Мои ноги. Хотя и попросил одеться. Поймав его взгляд, я залилась краской и вылетела в комнату. В глаза бросилась разобранная постель. Я лихорадочно принялась искать покрывало, потом халат, потом расческу...

Когда вышла из комнаты, они уже расположились на кухне. Высокий стоял у окна, а маленький сидел. Что, на мой взгляд, было несправедливо: им следовало поменяться местами. На кухонном столе лежали папка и листы бумаги. Какие-то бланки. Было ясно, что маленький старше по званию, потому что это он всем распоряжался. А жаль. Наша антипатия была взаимной. И не потому, что я не люблю невысоких мужчин. Я просто не люблю, когда не любят меня.

– Итак, все по порядку, – сказал мой враг. Увы! Пришлось записать его в категорию врагов! Мне не нравилось, как он выглядел, не нравилось, как говорил. – Во-первых, ваш паспорт.

– Зачем? – тупо спросила я.

– Затем, что будем составлять протокол. Вы – свидетель. Свидетель убийства. Пока еще свидетель, – зловеще добавил мой враг.

– Саша, ну зачем ты так, – миролюбиво сказал высокий. – Девушка просто сообщила о трупe. Исполнила свой гражданский долг. А ты ее пугаешь.

– Но багажник-то был заперт! Как она узнала? А? – продолжал возмущаться его начальник, мой враг.

– Я сейчас принесу... Паспорт... – с трудом выдавила я и на негнущихся ногах пошла обратно в комнату.

Значит, это не шутка. Я сказала о трупe в багажнике, чтобы они приехали и отключили сигнализацию. Они приехали и отключили. А в багажнике нашли труп. Просто в голове не укладывается! Чтобы выиграть время, я минут десять искала паспорт. Когда вышла на кухню с документом в руках, высокий звонил по мобильному телефону. Надо сказать, что он был симпатичным парнем. Как раз в моем вкусе. Но от страха у меня коленки подгибались. И было не до симпатий.

– Вот, – сказала я, положив на стол паспорт. Мой враг принялся составлять протокол.

Высокий закончил разговаривать по телефону и переключился на меня.

– Хороший рост, Дана Кузнецова, – сказал он уважительно. Его начальник при этом побагровел. Ба! Да у него, похоже, серьезный комплекс! В таких случаях я всегда говорю: «Наполеон тоже был маленького роста». Я прищурилась,

размышляя: сказать, не сказать? Сказать – значит, еще больше осложнить наши отношения!

– Так, – проговорил он, закончив писать. – Теперь рассказывайте. Откуда вы узнали, что в багажнике труп? Вы что, его открывали?

– Труп? – в ужасе спросила я. При таких совпадениях чего только не бывает! Вдруг этот труп разрезан на куски! И меня сейчас в этом обвинят!

– Багажник! Хватит придуряться! – рявкнул сидящий за столом.

– Ну зачем ты так, Саша? – мягко сказал его напарник. – Девушка же не стала скрывать свою находку.

– Я этого не знала, – честно призналась я. – Что в багажнике труп.

– Что вы мне голову морочите? – еще больше разозлился мой враг. – То есть как это не знали?

И я честно рассказала историю о сигнализации. О том, как два часа боролась с воющей машиной. Опустив, разумеется, предисловие. Романтический вечер и все такое прочее. Моя история произвела впечатление. Они переглянулись, и высокий покрутил пальцем у виска. Девушка, мол, тронулась.

– Ну допустим, – вздохнул его начальник. – Допустим, что это простое совпадение.

И я сразу поняла, почему начальник он. Может, не все так безнадежно?

– Но почему именно труп? В багажнике? Неужели не было

другого способа?

– Поверьте, я испробовала их все, – честно сказала я. Надо признать, что я вообще была с ними предельно откровенна. Вплоть до ночной рубашки. Они видели все.

– Следователь разберется, – решил мой враг. – На то он и следователь. А мое дело – осмотреть место происшествия и записать все, что вы мне сейчас наговорили, и... показать вам труп.

– Как так – показать? – растерялась я.

– Видите ли, при нем не обнаружено документов.

И он положил на стол какую-то бумажку. Я прищурилась, поправила очки, потом неуверенно протянула руку:

– Можно?

– Да, – сказал мой враг.

Во взгляде высокого что-то мелькнуло. Он подошел так близко, что я почувствовала его дыхание. Он был готов в любой момент схватить меня за руку и начать ее выкручивать, если бы я захотела что-то сделать с бумажкой.

Я взяла бумажку. Это был счет. На оплату коммунальных услуг. Счет, какие каждый месяц опускают в почтовый ящик. Там было написано: «Васильева Е. Т.». Адрес такой-то. Общая площадь – 37,2, жилая – 18,9. Проживающие – 1 чел. Период – 11 месяц 2004 года.

На мой взгляд, исчерпывающая информация.

– Ну, значит, это Васильева Е. Т., – пожала плечами я. Мол, чего ж вам еще надо?

– Это мужской труп, – сказал сидящий мужчина, глядя мне прямо в глаза.

– Вот как? Значит, это его жена. Васильева Е. Т. А он – Васильев.

– Разберемся. А вам не знаком этот адрес?

– Нет, – сказала я, еще раз внимательно перечитав все, что было в квитанции. Они мне не мешали. – Возможно, я знаю парочку Васильевых, но ни одной Е. Т.

– Хорошо. Пройдемте вниз, осмотрим труп.

Тут мне стало не по себе. Кому охота в шесть часов утра идти и осматривать труп мужчины?

– А он как? – с опаской спросила я.

– В смысле? – оскалился высокий.

– Ну...

– В одежде. Даже в костюме. Выглядит неплохо. Свежачок.

– А-а-а... – неуверенно протянула я. – Хорошо хоть так...

– Мы тоже так думаем, – весело сказал высокий, подавая мне куртку и даже галантно помогая в нее облачиться. – Пальчики можно откатать. Вот если бы он успел разложиться...

При этих словах меня затошнило. Невольно я прикинула, что лучше: воющая машина под окнами или опознание разложившегося трупа? Поскольку я ни разу в жизни не видела криминальных трупов, мои симпатии моментально поменялись в пользу машины. Уж лучше бы она по-прежнему выла!

В сопровождении двух мужчин я стала спускаться по лестнице. Высокий шел впереди, а маленький сзади, отчего разница в росте сглаживалась. Я уже поняла, что их главный не дурак. Действовал он грамотно.

В нашем маленьком тихом дворике было тесно. В нем и так тесно, потому что гаражи-«ракушки» растут как грибы, да и количество автовладельцев с каждым годом увеличивается. Увеличивается и число машин, ночующих во дворе. Но они, по крайней мере, не перегораживают проезжую часть. Две милицейские машины это сделали. Проехать между ними не было никакой возможности. А пройти – только боком. Стояла и третья, не относящаяся к типу легковых машин. Скорее микроавтобус.

– А вот и свидетельница, – сказал высокий, подталкивая меня по направлению к микроавтобусу. – Которая милицию вызвала.

Двое жителей нашего конгломерата, именуемого «сообщество трех панельных домов, предназначенных под снос», посмотрели на меня с откровенной неприязнью. Напрягши воображение, я сообразила, что это понятия, при которых вынимали из багажника труп. Сам труп лежал на носилках и был с головой накрыт брезентом. А что еще могло там лежать?

– Подойдите сюда, – сказал мне мужчина средних лет в короткой дубленке. Голова его была непокрыта, а волосы влажные. Который день в городе стоял туман, воздух был насы-

щен влагой до предела, а в довершение картины то и дело принимался моросить мелкий дождь.

– Дежурный по городу следователь прокуратуры... – фамилию я не разобрала. – Вы можете опознать потерпевшего?

Он нагнулся и откинул брезент. Я тут же закрыла глаза.

– Эй, гражданочка, – тронул меня за руку высокий оперативник. – Дана Кузнецова. Глазки-то открой.

Я набрала в грудь побольше воздуха и решилась. Он сразу же показался мне маленьким. Труп, то есть мужчина, приготовленный для транспортировки в морг. Что естественно: женщине, чей рост под метр восемьдесят, все, кто ниже метра восьмидесяти пяти, кажутся маленькими. Этот был ниже. Или казался ниже, потому что я стояла, а он лежал. Что ж, мужчина и в самом деле был в костюме. А на костюме не было ни пятен крови, ни следов ножевых ранений. Я поправила очки. Костюм был темного цвета, на улице тоже темно. Над нами раскачивался фонарь, все, что попадало в полосу его света, оттенком напоминало заплесневевший сыр. Если кровь на костюме и была, то я этого не разглядела. На открытых участках тела, то есть на руках и лице, тоже ничего. Ни капли крови. Но он, без сомнения, был мертв.

– Ну как? – спросил следователь. – Узнаете?

Я ответила не сразу. Мертвый человек отличается от живого. Он сам на себя не похож, не то что на кого-нибудь из твоих знакомых. Поэтому я надолго задумалась. Если представить его живым, то лицо у мужчины, вероятнее всего, бы-

ло красивым: правильным, с классическими чертами. Цвет глаз я, правда, не могла определить. Глаза были закрыты. Зато про волосы поняла сразу: он был блондином. Это-то меня и смутило. Всех блондинов я рассматриваю тщательно, не пропуская ни одной детали.

– Узнаете? – повторил вопрос следователь, когда пауза слишком затянулась.

– Впервые его вижу, – сказала наконец я.

– Вы в этом уверены?

– Да. Кажется.

– Так кажется или уверены?

– А что это меняет?

– Если вы были знакомы, это меняет все, – вздохнув, сказал следователь.

– Мы не были знакомы, – с уверенностью сказала я. – Но поручиться, что никогда в жизни его не видела, я не могу.

– Как так? – удивился следователь. – Вы только что сказали: впервые вижу.

– Каждый день мы видим на улицах и в метро десятки и сотни людей. Да что там! Тысячи! По крайней мере двадцать процентов из них – блондины. Быть может, мы сталкивались? В метро или на улице? Или еще где-нибудь? Я близорука, и у меня плохая память.

– Девичья, – усмехнулся следователь.

Я моментально вспыхнула и с вызовом сказала:

– Я была замужем!

– Что ж. Нет, так нет, – вздохнул следователь и вернул брезент на прежнее место. Мне сразу стало легче. Согласитесь, что видеть мертвого красивого блондина – это неприятно.

– Это значительно усложняет нам задачу, – сказал старший опергруппы.

– А счет на оплату коммунальных услуг? – спросила я.

И получила в награду от троих такой взгляд! Следователь махнул рукой:

– Грузите!

Я поняла, что это относится к мертвому блондину. Значит, меня теперь оставят в покое.

– А как вы узнали, что в багажнике труп? – посмотрел на меня следователь. Я в свою очередь вопросительно взглянула на своих сопровождающих: надо ли мне повторять историю о воюющей под окнами машине?

– Похоже на совпадение, – сказал старший опергруппы. – Чего только в жизни не бывает!

– Ладно, следователь разберется, – махнул рукой мужчина в короткой дубленке.

– А вы? Разве не... – удивилась я.

– Это дело, скорее всего, буду вести не я. И слава богу! – не удержался он. В шесть часов утра, зимой, в слякотную погоду и под морозящим дождем люди плохо себя контролируют. А следователь прокуратуры – он тоже человек. Потом он подозрительно спросил: – Скажите, а вы дотрагивались

до ручек?

– Да. И до багажника, – уныло сказала я.

– Зачем?

– Но я же не знала, что там труп! Я искала кнопку!

– Простите?

– Кнопку, отключающую сигнализацию.

Уже в который раз за ночь они посмотрели на меня, как на идиотку. Похоже, мужская логика сильно отличается от женской. Жаль, что я в этом не специалист.

– Придется пальчики откатать, – сказал моим сопровождающим следователь.

– Сделаем! – пообещал высокий.

– Вы сейчас будете это делать? – ужаснулась я. – В шесть утра?!

– Не переживайте: у нас с вами будет еще немало приятных встреч, Дана Кузнецова. Раз уж вы влезли в это дело.

И тут я ужаснулась. По сравнению с процедурами опознания, дактилоскопией и бесконечными допросами, воющая под окнами машина сразу же стала милой и симпатичной... Как глуп человек! Он влипает в историю, и ему кажется, что хуже уже ничего не бывает! А потом оказывается, что это была белая полоса!

Блондина грузили в микроавтобус.

– А с чего вы взяли, что он... ну, зарезан? – с надеждой спросила я. – Ведь на нем же нет ничего! Никаких следов! И костюмчик целый. Хороший, кстати, костюмчик.

– Это вы верно заметили, – сказал следователь. – Насчет костюмчика. Костюмчик хороший. А надевали его уже на мертвое тело.

– То есть вы хотите сказать, что это не его костюм? – вновь ужаснулась я, потому что уже успела проникнуться симпатией к блондину. Раз он такой красивый, наверняка был богатым и ходил в хороших костюмах.

– Когда его убивали, на нем было только нижнее белье, – сердито сказал следователь. – А возможно, что и белья не было!

Потом он спохватился.

– Гражданка Кузнецова, можете быть свободны. Пока.

Вот тут я обрадовалась. Отпустили наконец! И вспомнила о свидании. Уже утро! А я так и не уснула! Хороша же я буду! С синяками под глазами! Я уже взяла позицию «на старт», когда старший опергруппы меня окликнул:

– Момент!

– Да? – невольно вздрогнула я.

– Как планируете провести выходные?

– Вообще-то у меня сегодня свидание.

– Романтический ужин и все такое прочее? – спросил высокий.

– Вроде того.

– А в понедельник?

Я задумалась. Далее сегодняшнего дня мои мечты не распространялись. Что будет в понедельник? Если вспомнить

судьбу блондина в багажнике «Фольксвагена», то этого не знает никто.

– В понедельник я, скорее всего, буду на работе.

– Как называется ваша фирма? – тут же вцепился в меня высокий. – Адрес? Телефон?

Тут я вновь задумалась. Потом ответила, как меня учили:

– Вообще-то это коммерческая тайна.

– Вы что, официально не зарегистрированы? – удивился высокий. – У вас нет юридического адреса? И чем вы вообще занимаетесь? Быть может, подпольной торговлей наркотиками?

– Нет, что вы! – испугалась я. – И зарегистрированы, и официально! И налоги платим! И телефоны указаны в нашей рекламе!

– В чем же тогда коммерческая тайна? – подозрительно спросил следователь, который внимательно прислушивался к разговору. И переглянулся со старшим опергруппы. Я поняла, что хотела сделать как лучше, а получилось как всегда.

«Какая же ты дура, Дана Кузнецова!» – мысленно обругала я себя. И, как из пулемета, выпалила название, адрес, телефон и даже факс нашей фирмы. Когда я дошла до адреса электронной почты, высокий сказал:

– Хватит, хватит. Телефон я записал. Этого достаточно. Если увидите в почтовом ящике повестку, не удивляйтесь. И советую вам прийти, куда указано. В указанное время. Иначе принудительным порядком.

Я и без того была напугана. Что скажет на всё это мой обожаемый шеф? Не хватало еще впутать во всё это и его!

– Я всё сделаю. Я приду, – жалобно сказала я. – Только не надо на фирму.

– Что, дорожишь своей работой, Дана Кузнецова? – подмигнул высокий. – Кем работаешь-то?

– Секретарь в приемной.

Он вновь посмотрел на мои ноги, хотя на этот раз они были закрыты курткой почти до колен, и присвистнул:

– Понятно! Высокая симпатичная секретарша! Рыжая! Незамужняя! С отдельной жилплощадью! Шеф-то, небось, пользуется?

Я залилась краской.

– Да как вам не стыдно!

– Тебе-то не стыдно, – оскалился высокий. – И сколько ж за это платят? Коммерческая тайна? А квартирка-то того... Бедновато живешь, Дана Кузнецова. Для личной секретарши.

– Я сказала: секретарь в приемной.

– Разница существенная. Ну все, иди. И не исчезай, слышишь?

Я все ж таки поспешила исчезнуть. Стрелой метнулась в подъезд. Хлопнула дверь, я перевела дух. Эта безумная ночь наконец-то подошла к концу! Я взлетела по лестнице на свой второй этаж и вошла в квартиру. Потом захлопнула входную дверь и щелкнула замком. Все.

Уснуть мне удалось почти сразу. И проспять до полудня. Я справедливо полагала, что на сегодня мои мучения окончены. Неприятностям конец, начинается светлая полоса. Но боже мой! Как же я ошибалась!

...Мне снился мой любимый сон: высокий блондин и белая лошадь. Он подхватывал меня сильной рукой и сажал в седло впереди себя. Внутренний голос шептал: «Дуреха, ну кто может тебя поднять, если ты ростом под метр восемьдесят? Да еще и одной рукой?» Но я его не слушала. Слушала только свое сердце, а оно стучало в такт лошадиным копытам. Почему-то сегодня у блондина было лицо мужчины, которого нашли в багажнике синего «Фольксвагена». Это меня слегка взволновало. Я не хотела романтического свидания с мертвым блондином. Меж тем время подошло к полудню, и я открыла глаза.

Первым делом я вспомнила о неприятностях. О безумной ночи. О трупe... О том, что придется ехать в прокуратуру, давать показания. Потом вспомнила о назначенном свидании, и облачко печали растаяло. Спать больше не хотелось. Я полетела в ванную, напевая при этом. Если вы когда-нибудь были влюблены, то меня поймете.

Я носилась по своей маленькой однокомнатной квартирке, и все мои мысли были заняты любовью и только ею.

«Пора, не пора?» – раздумывала я. Надо было позвонить своему возлюбленному, чтобы уточнить время и место сви-

дания. Он был на машине, я нет, мы должны были встретиться у метро и поехать на частную квартиру, которую он снял для свиданий со мной. Подумать только! Для свиданий! Со мной!

К сожалению, мой возлюбленный был женат, но дело было не в этом, а в ребенке. Ребенка он, мой благородный мужчина, лучший из всех мужчин, которые когда-либо жили на свете, бросить не мог. Пока не мог. Но обещал сегодня же утром все рассказать жене. Поговорить с ней серьезно. Это значило, что они должны были обсудить условия развода.

Во-первых, он больше не будет с ней спать. Потому что будет спать со мной. Во-вторых, больше не будет с ней жить. Потому что...

Да, скоро мы будем жить вместе. Только не здесь. Я с ужасом оглядела свое убогое жилище и впервые задумалась о том, когда же снесут дом? И что я получу взамен? Больше чем на однокомнатную мне рассчитывать не приходится. Но в доме, куда нас должны были переселить, даже однокомнатные квартиры площадью не менее сорока квадратных метров! А то и больше! Все жильцы нашего «сообщества трех панельных домов, предназначенных под снос» только об этом и говорят! О том, какие квартиры будут в новом доме.

Самое разумное – это подождать. Разумеется, он все оставит ей: квартиру, машину, дачу. И нам придется все начать сначала. Меня это не пугает. Я вообще привыкла доволь-

ствоваться малым.

Размышляя об этом, я то и дело поглядывала на часы. Мой маршрут проходил таким образом, что, кружа по квартире в нетерпении, я то и дело оказывалась у телефона. Наконец решила: пора! И дрожащей рукой подняла телефонную трубку. Интересно, кто подойдет к телефону? Он или его жена? Мой возлюбленный сказал:

– Не стесняйся, звони прямо на домашний. Она все будет знать. Как только вернусь домой – мы серьезно поговорим.

Как это благородно! Набирая номер, я еще раз умилилась. Наконец в трубке раздались долгие гудки. Я замерла. Мне еще ни разу в жизни не приходилось разговаривать с чужими женами. То есть с женами мужчин, которые должны уйти ко мне. Да и мужчин таких у меня еще не было. Ни одного. Не было и опыта. Поэтому я сидела и подбирала слова, пока не сообразила, что сижу так уже минут десять. С телефонной трубкой в руке. А в трубке по-прежнему долгие гудки.

Поначалу я пришла в легкое недоумение. Никого нет дома? Скорее, не хотят брать трубку. Может, они ссорятся? Как раз в этот момент выясняют отношения? Надо подождать. Я бережно опустила трубку на рычаг.

Вновь начала кружить по квартире. Таким образом, что маршрут пролегал возле телефона. Я все время натыкалась на него взглядом. Прошло минут десять. Как только я это поняла, кинулась к аппарату. Номер давно уже был выучен наизусть. Семь цифр каленым железом выжжены в моей па-

мяти. Они пылали так, что моей бедной голове было больно. Я набрала номер и замерла. И опять длинные гудки. Что ж, отношения супруги выясняют долго. Только я могу молча смотреть, как муж собирает чемодан, зная, что на улице его ждет другая женщина, а под конец сказать:

– Я приготовила тебе подарок ко дню рождения. Заранее. Рубашка и галстук. Вот, возьми.

И достать подарок из-под кипы собственного нижнего белья. И только мой бывший может его взять и ровным голосом ответить:

– Сойдет. Все, Рыжая, пока.

Хорошо, хоть не «стерва» и не «неумеха». «Рыжая» в его устах – это ласка. Поэтому я и посчитала, что он сожалеет, что все так получилось.

Я догадываюсь, что люди разводятся по-другому. Подолгу выясняют отношения. Особенно если у них есть совместные дети. Догадываюсь, что у моего возлюбленного все именно так. Поэтому следует быть терпеливой. Я положила трубку и задумалась. Что может быть томительнее ожидания? Ожидания в одиночестве? То-то и оно!

Подумав с минуту (кратно десяти без остатка), я позволила своей подруге. Чтобы не сидеть одной. Лучших подруг у меня нет, после того как я лишилась мужа. Но есть сослуживицы. С некоторой натяжкой их можно отнести к разряду подруг. Мы очень много времени проводим вместе, а это уже повод.

Женщину, которая работает в бухгалтерии и которой я чаще всего ношу на подпись документы, зовут Машей. Из-за этого я долго не могла найти с ней общий язык. И долго ее избегала. Если вы помните, ту мою лучшую подругу тоже звали Машей. Ко всем Машам с тех пор у меня настороженное отношение. Но мало-помалу мы сблизились. Во-первых, мы почти ровесницы. Она на год старше. Это кратко десяти без остатка. Во-вторых, ее личная жизнь не устроена. И даже хуже, чем моя. Я имею в виду, что ее тоже бросил муж, но квартира была его, и Маше пришлось оттуда съехать. Потом выяснилось, что квартира вообще была куплена на имя свекрови и после развода Маша не имеет на эту жилплощадь никаких прав.

Сейчас она живет на съемной квартире, и мечты о собственной жилплощади так и остаются мечтами. Маша иногородняя, у нее есть в Москве тетя, а у тети, кажется, нет наследников. Маша частенько говорит, что это ее единственный шанс. В-третьих, я подозреваю, что Маша тоже неравнодушна к нашему шефу. Мы с ней об этом не говорим, но влюбленная женщина чувствует такие вещи. Когда у нее есть соперница. И спокойна только в том случае, если соперница эта несчастливая.

Что же касается имени... Меня с ним примирила фамилия: Васнецова. Это внушает доверие. Маше Васнецовой я могу позвонить, когда сердце поет от восторга. И поделиться своим счастьем.

Вот этот абонент ответил сразу. Трубку сняли после второго гудка.

– Да? – зевнув, сказала Маша.

– Привет! Это я, Дана Кузнецова! – выпалила я.

– Данка! С добрым утром. Что-то случилось?

– Случилось. Сегодня ночью я была на свидании.

– Да что ты? И кто он?

– Блондин.

– Ну-у... А имя?

– Это пока секрет. Не могу тебе сказать.

– И как у вас? Seriously?

– Более чем. Он собирается развестись со своей женой.

Из-за меня! – с гордостью добавила я.

– Так он жена-ат... – протянула Маша.

– А где ты в наше время видела молодого, красивого мужчину, блондина, непьющего, некурящего, при хорошей работе и не женатого?

– Небось и дети есть? – подозрительно спросила Маша.

– Да. Есть ребенок.

– Данка, ты смотри! Все они обманщики! Чего только не обещают! И развестись, и жениться потом на тебе, и в круиз по Средиземному морю. Море, пальмы, белый пароход. Говорят, что лучше тебя никого нет, что жена стерва, теща злыдня. Быт, мол, заел, хочется круто изменить свою жизнь. Лишь бы уложить тебя в постель. А потом попользуются – и в кусты. Как же! Знаем! Так что смотри!

После этих слов я поняла, что Маша мне завидует, причем завистью черной, как ночь, и замкнулась. Мне расхотелось делиться подробностями романтического свидания. Да и десять минут прошло. Можно вновь позвонить своему возлюбленному. И на этот раз там возьмут трубку.

– Я тебе потом все расскажу, с подробностями, – торопливо сказала я. – Ты будешь в шоке!

– Дана... По твоему тону я поняла, что случилось что-то ужасное.

– Пряма-таки и ужасное! – рассмеялась я. – В конце концов, каждый борется за свое счастье как может! Все, пока!

И я положила трубку. Потом сладко потянулась и рассмеялась. Ну откуда она все знает? Да, он так говорил! Маша пересказала близко к тексту. Но это другое. Все обещания будут выполнены. И я вновь подняла телефонную трубку. Семь цифр в голове багрово полыхнули. Я набрала номер.

И вновь в трубке раздались долгие гудки. Никто не спешил к телефону. Неужели это занимает так много времени? Ведь он ждет моего звонка! Я заволновалась. А вдруг его жена настолько стерва, что строит козни? Отключила телефон! Но рано или поздно он должен сообразить, в чем дело!

И тут случилось чудо. В дверь позвонили. Я бросила телефонную трубку и метнулась в прихожую. Ну конечно! Он умный, а я – тупица! Он не стал ждать моего звонка! Приехал за мной! А она пусть сидит рядом с отключенным телефоном! Пусть сторожит! Любви не страшны никакие пре-

грады!

Я рывком распахнула дверь. На лестничной площадке было много людей, и все – мужчины. Я поняла только, что моего блондина среди них нет. Вперед выдвинулись двое. Оба – мои старые знакомые. То есть новые. Именно они сопровождали меня к трупку сегодня ночью. Хотя сейчас я была в халате, высокий по-прежнему смотрел на мои ноги. Только на этот раз он не улыбался. Лицо у него было серьезное, а у маленького даже грустное.

– Кузнецова Диана Сергеевна? Тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения? – официально спросил он.

– Да, – пискнула я.

– Вы проживаете в этой квартире?

– Да. А что?

– Одна проживаете?

– Да. А...

– Вот постановление на обыск в вашей квартире. Ознакомьтесь.

Он протянул мне ордер на обыск и, не дожидаясь, пока я с ним ознакомлюсь, обернулся к стоящим на лестничной площадке мужчинам:

– Граждане понятые, пройдемте. И вы, товарищ участковый. Действуйте.

Я невольно попятилась в прихожую и даже попыталась захлопнуть перед ними дверь, потому что испугалась по-настоящему. Но высокий придержал ее рукой и сказал:

– Спокойнее.

Он был ненамного меня выше, зато намного сильнее. Они вошли и оттеснили меня в комнату. Там я в полном бессилии опустилась на диван.

– Ведется оперативная съемка, – предупредили меня.

Один из мужчин, ворвавшихся в мою квартиру, был с видеокамерой. Еще двоих я узнала: мой сосед по лестничной клетке, дверь напротив, тоже однокомнатная квартира. Переехал сюда недавно, знакомы мы не были, но здоровались. Зато второй понятой – дядя Вася. Знает меня с детства. Невольно я залилась краской. Какой позор!

– Начинайте, – скомандовал старший. Потом посмотрел на меня: – Оружие, наркотики имеются? Советуем выдать добровольно.

– Вы смеетесь надо мной?

– Диана Сергеевна, вы не понимаете всей серьезности вашего положения.

– Не понимаю, – покачала головой я. – В чем меня обвиняют? Почему обыск?

– Сегодня ночью произошло убийство. Добровольное признание облегчает участь.

– Я вас не понимаю.

Я и в самом деле не понимала, что происходит. Почему мужчины роются в моем платяном шкафу и трогают мои вещи, а потом их вынимают? Стопки накрахмаленного постельного белья были аккуратно выложены из шкафа участ-

ковым. Именно под ними оказались предметы, мне доселе незнакомые. Во-первых, это было портмоне. Кожаное, «под крокодила». Во-вторых, ключи от машины. Потому что на кольце болтался брелок, а на нем уже знакомая мне эмблема: «Фольксваген».

– Диана Сергеевна, это ваше? – спросил старший.

– Нет, – замотала головой я. – Впервые вижу! Эти вещи мне не принадлежат!

– А вы водите машину?

– Да, – кивнула я. – У меня есть права.

– Быть может, у вас есть и машина?

– Нет, машины у меня нет. Она мне не нужна.

– Зачем же тогда права?

Вот тут вы наверняка удивились. Откуда у меня водительские права? На самом же деле объясняется это просто. Если вы когда-нибудь заполняли анкету при поступлении на курсы секретарей-референтов, а потом при приеме на работу, вы должны знать, что там есть обязательный пункт: «Имеются ли у вас водительские права?» Оказывается, это очень важно. И нам объяснили почему.

На курсах вас не только обязаны обучить, но и предоставить вам работу. Хотя бы устроить собеседования. Минимум три. И попытаться вас «продать». За это полагаются комиссионные, а к тому же вы должны отчислить агентству половину первой зарплаты. Или больше – в зависимости от того, как составлен договор. «Продать» выпускниц как можно вы-

годнее – и есть главная задача тех, кто организовал этот бизнес: подготовительные курсы. У наших преподавателей был идеал. Ее звали Илоной. Ее портрет висел на почетном месте, ее история рассказывалась всем поступившим на курсы. История называлась: «Как Илона сделала карьеру». Ее «продавали» пять раз и пять раз получали за это деньги. Причем, немалые. Она пользовалась спросом у работодателей. Она была красива, без комплексов и умела водить машину. А ее последний, пятый босс любил «заложить за воротник». Илона, его личная секретарша, безропотно доставляла бесчувственное тело по адресу, где оно было прописано. А босс меж тем потихоньку спивался. Кончилось тем, что он отписал Илоне половину того, чем владел. Сделал ее своим компаньоном, чтобы она ездила на переговоры от лица фирмы и не тратила время на транспортировку его тела. Разумеется, в благодарность. Потом Илона завладела и всей фирмой. Сейчас она живет на Пушкинской, обедает в дорогих ресторанах, а летом загорает нагишом на крыше, после того как закончит рабочий день в своем шикарном офисе. Тоже, как я понимаю, на Пушкинской. А все потому, что она умела водить машину! Я не поняла только, на какой именно крыше она загорает? Ресторана, офиса или собственного дома?

Но именно крыша, на которой можно принимать солнечные ванны нагишом, стала главной причиной, по которой я решила обзавестись водительскими правами. На ваш взгляд, логики никакой, на мой же взгляд, логика железная. Как

только я увидела своего босса, тут же поняла, что хочу доставлять его бесчувственное тело по адресу, где прописана я сама. А крышу мы потом подыщем.

Поскольку свободного времени у меня было предостаточно, я десять раз сдавала на права, после того как полгода честно отходила на водительские курсы. Я взяла гаишников измором и получила то, что хотела. Увы! Напрасно! Мой босс не напивался до бесчувствия! Он практически не употреблял спиртного, хотя я продолжала на это надеяться. И на всякий случай у меня имелись водительские права. Но «Фольксвагена» у меня нет, это уж точно. Мне не нужна моя машина. Мне нужна его машина. А точнее, его тело в этой машине. И лучше, если оно будет хоть что-то чувствовать!

Когда я рассказала историю про Илону, у присутствующих в комнате мужчин были такие лица, словно они смотрят по телевизору бразильский сериал. Словом, странные. Мне не следовало упоминать о крыше. Кто бы тебя подрезал, мой глупый болтливый язык! Кажется, я так и сказала: «Я получила водительские права, чтобы нагишом загорать на крыше».

– Ну что ж, – кашлянул оперативник, который распоряжался обыском. – Это бывает. Ключи, значит, не ваши. Хотя наличие их в вашей квартире объяснило бы, почему вы знали, что в багажнике находится труп. Вы его открывали. Багажник. Вот этими самыми ключами.

Он кивнул на лежащую на столе связку. Я отрицательно

замотала головой. Нет, нет и нет! Не открывала! Возможно, что один из ключей и в самом деле был от багажника, а сами они – от синего «Фольксвагена». Это проверят. В результате сомневаться не приходится. Меня гораздо больше настораживало портмоне «под крокодила».

Когда его открыли, аккуратно, стараясь не смазать отпечатки, я невольно подалась вперед и поправила очки. В портмоне было полным-полно документов и много денег. Все они принадлежали зарезанному блондину. Я имею в виду документы, потому что на них были его фотографии. На деньгах же были портреты совсем других граждан. Причем американского происхождения. Я их всех сразу узнала, в отличие от блондина. А насчет денег засомневалась. Его ли? Хотя... Костюмчик-то на блондине был дорогой!

– Откуда у вас это? – спросил старший по обыску в моей квартире.

– Понятия не имею! – честно ответила я. И повторила: – Это не мое!

– То есть, вы хотите сказать, что эти вещи вам подбросили? Кто? Когда?

Тут я задумалась всерьез. Могу поклясться, что с того момента, как под окном завыла машина, и до этого обыска в моей квартире не было посторонних, кроме присутствующих здесь же оперов! Как они сами представились ночью. Документов я у них не спрашивала. Не они же мне это подбросили! Судя по лицам, документы блондина сотрудники мили-

ции видят впервые и очень ими заинтересованы.

Высокий так и сказал:

– Теперь мы можем установить его личность! Хоть что-то!

– Спокойнее, Олег, – одернул его старший. Теперь я узнала имена обоих. Они же узнали имя блондина.

– Как странно! Его фамилия вовсе не Васильев! – воскликнула я, взглянув на водительские права блондина.

– А инициалы не Е. Т., – съязвил высокий. – Хватит разыгрывать святую наивность! Это уже не смешно!

Мне тоже было не смешно.

– Северный Максим Александрович, тысяча девятьсот семьдесят четвертого года рождения, – прочитал тот, кто распоряжался обыском в моей квартире.

– А выглядит старше, – невольно вздохнула я, имея в виду того блондина, которого видела ночью. Мертвого. Я подумала, что ему лет сорок, такой он был старообразный в свете уличного фонаря.

– Когда и где вы познакомились? При каких обстоятельствах? – гнул свою линию мой враг. Я просто-таки вынуждена после всего случившегося отнести его к категории врагов!

– Мы не были знакомы, – с сожалением сказала я.

– Значит, факт знакомства с гражданином Северным вы отрицаете? А как же его документы?

– Я не знаю, как они оказались в квартире.

– Ночью здесь были посторонние?

– Да.

– Кто конкретно? Имена, фамилии?

– Вы. Вы были здесь ночью. А больше никого.

Высокий вдруг посмотрел на меня с непонятной ненавистью!

– Если бы она была мужчиной... – сквозь зубы процедил он. Разумеется, видеокамера этого не зафиксировала. Объектив и микрофон были направлены в мою сторону.

– Ладно. Продолжаем обыск, – сказал его начальник.

И они стали продолжать. Я же ломала голову: как ключи и документы могли оказаться в моей квартире? В шкафу, под стопкой выглаженных пододеяльников? Ведь, кроме меня, здесь не было никого! Я могу поклясться в этом на Библии! Во второй раз за этот бесконечный день мне показалось, что я схожу с ума. Первый раз на улице, возле воющей машины. А второй – сейчас. Словно подслушав мои мысли, оперативник, руководящий обыском, спросил:

– У кого еще есть ключи от вашей квартиры?

– У моей мамы.

– А еще?

– Больше ни у кого.

– А на случай, если вы их потеряете?

– Я никогда ничего не теряю! – с гордостью ответила я. –

Пунктуальность и аккуратность – два моих самых ценных качества! Я так и указала в анкете.

– В какой анкете?

– Которую заполняла при приеме на работу. В крайнем

случае второй комплект есть у мамы, а она живет неподалеку.

– А именно?

– Минутах в десяти ходьбы.

– Насчет ключей мы проверим.

Я на мгновение вновь прониклась к нему симпатией. Хотя и не представляла, как мама крадется ночью в мою квартиру, чтобы подбросить документы и ключи от синего «Фольксвагена», в багажнике которого лежит труп. Они с блондином не были знакомы, мои родители. Я уверена в этом на сто процентов.

И вдруг я вспомнила: мне же надо позвонить! Со всеми этими хлопотами совсем позабыла! Меня же любят! Меня же ждут! Я воскликнула «О Боже!» – и хлопнула себя ладонью по лбу.

– Вспомнили, как и где познакомились с потерпевшим? – вскинулся высокий.

– Нет! Я вспомнила, что мне надо позвонить!

– Кому? Личному адвокату?

– С чего вы взяли, что мне нужен адвокат? Я хочу позвонить человеку, который очень ждет моего звонка. Это личное.

Они переглянулись. Я подождала с минуту, потом робко спросила:

– Можно?

– Хорошо. Звоните. Вы пока не задержанная.

Я кинулась к телефону и поспешно стала набирать номер. Высокий внимательно следил за тем, на какие кнопки нажимает мой палец. Мне было все равно. Я только скажу два слова. «Милый, возможно я задержусь». Или: «Давай отложим наше свидание на вечер». Потом скажу: «Целую, люблю». И все. Моя личная жизнь будет спасена.

Когда в четвертый раз за день в трубке раздались долгие гудки, мне стало не по себе. Да что там могло случиться? Я сидела, прижав к уху телефонную трубку, и чувствовала, что в третий раз за день схожу с ума. Это уже не подчинялось никаким законам логики! Даже моей!

– Вы уже пять минут сидите с телефонной трубкой в руке, – напомнил мне тот, кто руководил обыском в моей квартире. – Быть может там, куда вы звоните, никого нет?

– Этого не может быть!

– Но, судя по тому, что никто не берет трубку...

И тут раздался удивленный возглас участкового:

– Опаньки! Смотрите-ка!

– Спокойно! Не трогать! – рявкнул высокий.

Я оторвала взгляд от телефона и обернулась: что там? Что такое? Ах, они добрались до моего нижнего белья! К белью я отношусь трепетно. Оно у меня дорогое и обязательно французское. Все с этикетками известных фирм. На курсах секретарей-референтов я услышала не только историю про Илону, которая запала мне в душу. Я хорошо усвоила: «У настоящей женщины должно быть три дорогих вещи: духи, белье

и сигареты».

Я не курю. Что касается духов, то мой консерватизм в этом вопросе непреодолим. Начиная с девятого класса, когда я начала пользоваться косметикой, мои духи всегда называются одинаково. Они называются «Быть может». И быть может поэтому я так несчастна в личной жизни. Была. До недавнего времени. Если мы вычеркиваем два слагаемых, остается третье. Дорогим у меня было только белье. Эта статья расходов пробивала ощутимую брешь в моем бюджете. Хорошо, что я мало ем. И в еде неприхотлива. Но зато кружевное французское белье на моей высокой фигуре смотрится неплохо. Жаль, что этого никто не может оценить.

Значит, мое белье поразило их воображение. Я отметила это с удовлетворением. Оно хранится отдельно, и не в шкафу. В серванте, в нижнем отделении. Бюстгальтеры и трусики переложены подушечками саше. Его запах называется «зеленый чай». Сами подушечки тоже зеленые. Из атласной ткани. Вот оттуда, из нижнего отделения моего старого серванта (еще бабушкиного), участковый достал странный сверток. Могу поклясться, что никогда раньше я его и в глаза не видела!

Это было нечто, завернутое в обычное кухонное полотенце. Вещь, которая никак не могла оказаться в моем французском белье. Если только я окончательно не сошла с ума. Телефонная трубка все еще была в моей руке, и в ней по-прежнему раздавались долгие гудки. Пока сверток несли к

столу, я аккуратно положила ее на рычаг. В душе стало так пусто, словно оттуда ушло все тепло. Ноги похолодели.

Сверток лег на стол, тот, кто руководил обыском, аккуратно, едва касаясь пальцами полотенца, развернул его. Я тупо смотрела на открывшийся взорам предмет, присутствующие в комнате мужчины неотрывно смотрели на меня.

Это был нож. Обычный кухонный нож. То есть не совсем обычный. Потому что он был большой. Таким ножом режут мясо, а если под рукой нет специального молотка, тяжелой рукояткой отбивают куски, пока они не дадут сок. Я и сама так делаю, потому что набор кухонной утвари у меня минимальный. Итак, у ножа было широкое, длинное лезвие с бороздкой и тяжелая рукоять. Как он оказался в моем французском белье? Этот вопрос возник не только у меня, но и у сотрудников милиции.

– Что это, Диана Сергеевна? – спросил старший.

– Это нож.

– Ваш нож? – уточнил он.

– Похоже, что нет. Этого ножа в моем доме раньше не было.

Они с высоким вновь переглянулись. «Ну и нервы!» – сквозь зубы сказал высокий. Или Олег. Так его звали. Я поправила очки. Лезвие ножа было чистым. Равно как и его рукоять. Зато на кухонном полотенце имелись какие-то бурые полосы.

– Разумеется, его протерли, – сказал старший опергрупп-

пы. – Уничтожали отпечатки. Но на лезвии и у основания рукояти остались микрочастицы. Биологического вещества. Эксперты с легкостью определяют, если этот нож является орудием убийства. Есть еще специальная экспертиза, которая может определить, есть ли на ноже ваш запах, Диана Сергеевна.

Вот тут мне стало смешно! Какой еще запах! Оно же сплошь пропахло саше! Кухонное полотенце, в которое завернут нож! Ваша хваленая экспертиза получит только «зеленый чай»! Ничего у них не выйдет!

Видимо, уловив движение моих губ, высокий спросил:

– Что вас так развеселило, Диана Сергеевна?

– Ничего. Это я так. Нервное.

– Нервы у вас, как канаты. По-прежнему будете утверждать, что все эти вещи видите впервые?

Разумеется, он имел в виду ключи от машины, портмоне и нож. Что мне оставалось делать? Я кивнула:

– Впервые.

Они отнеслись к этому спокойно. Я начала подозревать, что знаю еще не все. Еще один кролик сидит у них в шляпе. Но они не торопятся его вынимать. Остается только догадываться, почему?

– Диана Сергеевна, – официально сказал старший, – по результатам обыска мы вынуждены вас задержать. До выяснения обстоятельств.

– То есть... Как это? Задержать? – испугалась я. – А как

же мое свидание?

– Свидание подождет, – отрезал высокий.

– Чего подождет?

– Результатов экспертизы. Посидите пару дней у нас в отделении. Поскольку суббота. В понедельник следователь рассмотрит ваше дело и решит, как с вами поступить. Отпустит либо предъявит обвинение. И изберет меру пресечения. Тогда уже вы перейдете в разряд подсудимых.

– В чем? В чем мне предъявят обвинение? – заволновалась я.

– А вы еще не поняли? В убийстве гражданина Северного Максима Александровича!

Тут я почувствовала, что в четвертый раз за день схожу с ума. Это уже было слишком!

– Это какое-то недоразумение! – отчаянно сказала я. – Никого я не убивала!

– Все так говорят.

– Но...

– Собирайтесь. Советуем одеться потеплее.

– А нельзя мне... остаться? Поскольку суббота... – неуверенно сказала я.

– Э, нет! – возразил высокий. – Девушка вы резвая, мужа-детей у вас нет. Того и гляди, кинетесь в бега. Ищи потом ветра в поле!

Я кинула отчаянный взгляд на телефон:

– А позвонить можно?

– Поскольку вы теперь задержанная, то нельзя, – сказал старший. – Собирайтесь.

– Но мне на работу в понедельник!

– Вы что, еще ничего не поняли? Вас подозревают в убийстве! Здесь улики... – он развел руками. – На три уголовных дела хватит!

Сосед по лестничной клетке посмотрел на меня сочувственно. Все это время он молчал, как, впрочем, и дядя Вася, второй понятой. Но взгляд у него был другой. Я бы сказала, пытливый. И запоминающий. Профессиональный. А кем он работает? И где? Я ничего не могла сказать о своем соседе напротив, тем более не хотела при нем одеваться.

Его и дядю Васю все-таки отправили на кухню, но одну меня не оставили. Пришлось одеваться при посторонних. Меня колотила мелкая дрожь. Не понимаю зачем, но я оделась точно так же, как каждое утро на работу. Словно и в самом деле собиралась на работу в офис. Разумеется, все, что со мной происходит, – всего лишь недоразумение, которое в скором времени разрешится!

Я же Дана Кузнецова! И я ни в чем не виновата!

На вешалке в прихожей висело мое пальто. Из плащевой ткани. Новое пальто, которое я купила в начале ноября, конечно же, на рынке. Вы наверняка встречали на улицах подобные пальто. Хит нынешнего осенне-зимнего сезона. О его цвете надо сказать особо. Времена моей туманной юности пришлось на период тотального дефицита товаров. Как

промышленных, так и продовольственных. Джинсы, которые тогда можно было купить, сплошь были радикального синего цвета. Густо замешанный ультрамарин. Чтобы придать штанам индивидуальность, мы их «варили».

Рецепт прост: надо опустить джинсы в тазик с водой и насыпать туда же хлорки. Либо отбеливателя. Тазик поставить на плиту и варить штаны несколько часов. То, что получится в результате, называется «варенка». А если каждую штанину завязать на колене узлом, выходит невообразимое. Вверху синее, к середине штанин все светлее и светлее, на коленях почти белое пятно, а внизу краски вновь сгущаются. К чему я все это рассказываю? Да к тому, что мое новое пальто точно такое же! Полагаю, я купила его, поддавшись порыву. Воспоминаниям юности. Только было оно не из синей ткани, а из бордовой, но эффект «варенки» присутствовал. У меня создалось ощущение, что пальто дважды завязали узлом и искупали в кипящей воде с добавлением хлорки. Вверху оно темное, к талии, где завязывается пояс, светлее, потом вновь темная полоса, снова светлая, а низ совсем темный. Представили? У вас богатое воображение! Как и у дизайнеров, работающих на наш вещевой рынок.

Деньги я копила с лета, в отпуск на Канары не ездила, бриллиантов не покупала, поэтому к новому пальто смогла купить и новые зимние сапоги. Типа «унты». Так и было написано на ценнике: «унты». В таких оленеводы гоняют по бескрайним просторам Севера олени упряжки. Каждый год

нам обещают суровую зиму, а я человек легковерный. К нынешней «суровой» зиме подготовилась основательно. Теперь мои теплые унты чуть ли не каждый день благополучно мокнут под дождем, мех на них висит сосульками, а на замшевых носках – белые разводы. Зато олениводы моей бескрайней, как просторы Севера, души спокойны.

Все это я и надела, отправляясь в тюрьму.

Как меня увозили, видел весь двор. Потому что была суббота. После полудня люди вернулись с рынка, те, кто побогаче, набегались по магазинам. Хлебом запаслись достаточно, и в качестве развлечения их ожидало зрелище. Шоу под названием: «Дану Кузнецову из второго подъезда увозят в наручниках». Оваций не надо, цветы в машину.

Насчет наручников я, конечно, преувеличила. Сопротивления не оказала, и мне стали доверять. Благоразумие – гарантия вежливого обращения. Отвезли меня в отделение. И посадили за решетку.

Однако случилось нечто странное. Перед тем как я очутилась в камере, у меня изъяли личные вещи. После того, как обыскали. В том, что их изъяли, ничего удивительного нет. И в том, что обыскали, тоже. Вдруг в кармане моего замечательного пальто окажется столовая ложка, и я начну рыть подкоп, раздвигая черенком бетонные плиты пола? Или ключами от квартиры начну перепиливать прутья решетки? Ведь именно их у меня и изъяли. Отсюда вывод: ключи – инструмент, при помощи которого можно совершить побег.

Странность же заключалась в том, что после того как из моего правого кармана вынули ключи от моей собственной квартиры, из левого вынули ключ от чьей-то еще. Некоторое время я смотрела на него с недоумением. Откуда это взялось в моем кармане? Я не помню, чтобы клала туда какой-то ключ.

Зато сотрудники милиции, привезшие меня в участок, переглянулись и заметно оживились. Я вновь вспомнила про кролика в шляпе. Надо сосредоточиться, иначе, увидев лопухого, распушу свой болтливый язык. Я не люблю фокусы. И вообще: терпеть не могу цирк. Поэтому цирка в моей жизни было мало, только развод. Вот уже больше десяти лет рыжая Дана Кузнецова не выходит на арену и не говорит «ап!».

После того как все опасные предметы были изъяты, я получила передышку. Самое время, потому что мне надо было сосредоточиться и хорошенько обдумать свое положение. Скверное, как никогда.

Самое же интересное началось через несколько часов. Потом я поняла, что мне дали время для того, чтобы осознать весь ужас моего положения. Это была психологическая подготовка. Несколько часов за решеткой должны были сломить мою волю. Мне полагалось раскиснуть, пропитавшись вонью «обезьянника», в котором ночевала парочка бомжей, заплыванного пола, отвратительных стен и тусклого света. Но я плохо видела в сумерках, поэтому отвратительные подробности не впечатлили.

К сожалению, я отношусь к типу людей, который можно охарактеризовать так: «человек критической ситуации». В обычной жизни я похожа на амебу. Беспозвоночное существо, неспособное оказать сопротивление. Я никогда не устраиваю скандала, если меня обвешивают или обсчитывают, не требую прибавки к зарплате, а тем более чтобы платили в евро, безропотно забираю испорченное портняхой платье и так далее. Эти бытовые мелочи не пробуждают мою жизненную энергию.

Но как только случается что-нибудь чрезвычайное... Вспомнить развод с мужем. И его измену. То есть сначала была измена, а потом развод. Однажды лекцию в моем институте отменили, я вернулась домой раньше обычного на целых два часа и застала мужа в постели с лучшей подружкой. Я открыла входную дверь своим ключом и тихонько, крадучись, прошла на кухню посмотреть, не пьют ли они, как обычно, чай. Потом услышала какие-то стоны и так же на цыпочках прошла к двери в единственную комнату. Приоткрыла ее и какое-то время стояла на пороге. Полагаю, что минут десять.

Я смотрела, как они занимаются любовью, и испытывала странные и противоречивые чувства. Я поняла вдруг, что мой муж – красивый. Раньше мне это и в голову не приходило! Во-первых, он был высокий. Во-вторых, у него замечательные широкие плечи, тонкая талия и упругие ягодицы. Этими ягодицами он вдавливал партнершу в диван так силь-

но, что тот стонал всеми своими старыми пружинами и даже раскачивался. Он занимался любовью с моей лучшей подругой вдохновенно и почти так же красиво, как это показывают в кино. В моей душе мелькнуло нечто похожее на сожаление. Я почувствовала легкое головокружение. Эти упругие ягодицы были моей законной собственностью, а мне ни разу не пришлось в голову употребить их по назначению!

Когда они закончили, я захлопала в ладоши и сказала:

– Это было замечательно!

А потом предложила всем нам пойти на кухню и попить чаю. Я устала с дороги, да и они тоже слегка утомились. Лица у них были красные, а с мужа вообще градом катился пот. Я взяла чистый носовой платок и вытерла ему шею. Вот после этого мой муж и кинулся собирать чемодан, заявив, что он устал от моей рыжей наглости.

Или взять популярную в нашей семье историю о том, как маму сбила машина. Это случилось прошлой весной. У мамы тоже плохое зрение, еще хуже, чем у меня. И вот две слепые курицы пошли на оптовый рынок прикупить продуктов к Восьмому марта. Перед нами оказался перекресток без светофора.

И в этот момент синхронность наших действий была нарушена. Я прилипла к витрине газетного киоска, где увидела модный журнал с заинтересовавшей меня обложкой. Мама же этого не заметила и смело шагнула на проезжую часть. Ехавшая у бровки машина тут же затормозила, пропуская

женщину. Мама поняла все правильно и зашагала дальше, туда, где был островок безопасности. Зато водитель машины, ехавшей по ближней к центру полосе, понял все неправильно и прибавил ходу. Ситуация, которая сплошь и рядом случается на наших нерегулируемых сигналом светофора наземных переходах.

Мама метнулась назад, и машина, пропустившая ее, прибавила ходу. Мама заметалась, водитель тоже. И все же жертвой оказалась мама. Когда я это поняла, то кинулась на проезжую часть.

Потом мама мне сказала, что даже не видела, как я бежала. Это было похоже на чудо. Мгновенное перемещение со скоростью мысли. Я была у киоска, а секунду спустя уже вытаскивала ее из-под колес машины. А еще секунду спустя выволакивала из-за руля насмерть перепуганного водителя «Жигулей». Он оказался ниже меня ростом, и уж ему-то я не стала напоминать о том, что Наполеон тоже был маленьким. Тряханула так, что с него посыпались очки и пуговицы.

Он что-то жалобно блял и совал мне деньги, но я заставила его отвезти нас с мамой в больницу, дожидаться, пока она пройдет обследование, и отпустила, только убедившись, что по телефону, который он мне дал, ответила его собственная жена. Это чтобы вы представили, что у меня за характер. Теперь картина полная.

Очутившись в критической ситуации, посаженная за решетку и запертая на замок, я совершенно успокоилась. Все

мои лучшие чувства были мобилизованы, жизненная сила наполняла меня до краев. И даже переполняла. Я постелила на грязную скамью свое новое пальто из плащевой ткани и удобно на нем устроилась. Поскольку прошедшая ночь была бурной, я сразу же уснула.

А когда проснулась, надо мной стояли двое. Это было похоже на дежавю. Двое оперуполномоченных, один маленький, а другой высокий, стали моей навязчивой идеей.

– Я же говорил, что у этой женщины не нервы, а канаты! – с чувством сказал высокий.

– Диана Сергеевна, собирайтесь, – сказал маленький.

– Куда? – спросила я.

– Надо слегка освежить вашу память.

Много времени спустя (гораздо больше десяти минут) я поняла, что всё, что они проделали со мной, было незаконно, но поняла так же и то, что это их стиль работы. В борьбе за показатели все средства хороши. Тем более в пользу моей виновности были найденные во время обыска улики. Никто не сомневался в том, что блондина зарезала я. И даже сама я начала сомневаться. А вдруг? Чего только в жизни не бывает!

Они вывели меня на улицу и посадили в милицейскую машину, на заднее сиденье. Сами сели по бокам и прижались ко мне так плотно, будто я могла обратиться в газообразное состояние и испариться. А они смогли бы этому помешать, зажав меня в тиски своей мужской неотразимости. Водите-

лю, видимо, заранее сказали адрес, потому что вопросов он не задавал.

Зато мне вопрос задали:

– Вас не удивляет, Диана Сергеевна, что мы пришли к вам с обыском?

– Вообще-то удивляет.

– Значит, вы считаете, что у нас не было оснований подозревать вас в убийстве?

Вопросы задавал маленький. Я поняла, что его все еще беспокоит мой рост. Комплекс Наполеона. Я уверена, что будущий император стремился к мировому господству исключительно по причине маленького роста. Завоеванная Европа добавила ему не меньше десяти сантиметров. Чтобы стать как все, не хватило России.

Итак, маленький спросил: «Вы считаете, что у нас не было оснований подозревать вас в убийстве?»

– Не больше, чем всех остальных жильцов нашего дома, – резонно заметила я.

– Я начинаю восхищаться этой женщиной! – с чувством сказал высокий. – Она ведет себя грамотней иных, отмотавших срок в колонии строго режима! Надо проверить по картотеке, нет ли у нее судимости.

– Надо, – еле слышно вздохнул его напарник. – Меж тем, Диана Сергеевна, основания у нас были. И немалые. Вы сейчас сами в этом убедитесь.

Я задумалась. И в самом деле. Почему они пришли с обыс-

ком именно ко мне? Разве я дала повод сегодня ночью? Ни малейшего! С тем же успехом они могли прийти в любую другую квартиру! И я справедливо рассудила, что случилось нечто чрезвычайное. И начала усиленно думать. Меж тем мы ехали к центру. Но на Пушкинской не задержались. А жаль! Я искала глазами крышу, где могла бы нагишом загорать Илона, мой кумир, но вовремя вспомнила, что на улице зима.

Маршрут, по которому мы ехали, был мне незнаком. И дом, к которому подъехали, я тоже не признала. Прищурилась на окна на предмет наличия в них тройных стеклопакетов и была полностью удовлетворена. Жители двух-трех квартир нынче ночью поступили бы так же, как и я, окажись они в моем положении.

– Ну как, Диана Сергеевна? Место знакомое?

– Место незнакомое, – сказала я более чем спокойно. Не забывайте: я человек критической ситуации.

Моих спутников это нисколько не смутило. Я догадалась, что они постепенно ко мне привыкают. К особенностям моей логики.

Все так же зажата в тиски, я прошла к двери в подъезд. И с интересом посмотрела на кодовый замок.

– Ну что? Не припоминаете? – вновь спросил маленький.

– Что именно?

– Код замка?

– Нет.

– Что ж. Еще не вечер.

Он сам набрал комбинацию цифр. Тут в моей памяти что-то мелькнуло. А он не так уж и неправ! Последней палец должен был коснуться крайней кнопки. «Единица». Если это случится, я – сумасшедшая. Как замороженная, следила я за рукой своего сопровождающего. Когда он нажал на «единицу», после чего раздался писк, сердце мое тревожно заныло. Из черного цилиндра фокусника показались кончики розовых ушей.

– Пойдем пешком, – сказал высокий. – Третий этаж. Ты как, Дана Кузнецова? В состоянии подняться на третий этаж?

В школе я увлекалась волейболом. Играла в сборной школ нашего района. Гоняли нас так, что ноги к концу тренировки становились ватными. Волейболом я давно уже не занимаюсь, но навыки остались. Подняться пешком на третий этаж для меня все равно, что дойти до ближайшей автобусной остановки, даже дыхание не собьется. Я невольно усмехнулась и шагнула на первую ступеньку. Интересно, есть ли у них оружие? Если я побегу, будут ли они стрелять?

Я заглянула в глаза высокого, и мне расхотелось экспериментировать. Этот парень разонравился мне еще в тот момент, когда был готов выкручивать мою руку. Когда он при сегодняшнем обыске придержал входную дверь, я поняла, почему мужчины – сильный пол, а женщины – слабый. Мне даже чуть-чуть захотелось, чтобы эти сильные руки меня об-

нимали, вместо того чтобы подтолкнуть вверх по лестнице. Но желание это быстро прошло. Он выполнял свою работу и делал это старательно. Даже слишком.

На третьем этаже меня вновь посетило дежавю. Жизнь полна сюрпризов! Я без колебаний направилась к левой двери. Мои сопровождающие переглянулись:

– Память, кажется, проясняется? – услышала я за спиной.

Я не понимала, что со мной происходит. И мне вдруг стало страшно. Розовые уши кролика уже нахально торчали из шляпы.

– Ну что. Открывай, Дана Кузнецова, – сказал высокий.

– Чем?

– А ты руку в карман опусти. В левый, – посоветовал мой мучитель.

Я послушалась и сунула руку в карман. К моему удивлению, там вновь оказался ключ.

– Ага! Вы положили его в карман, пока мы ехали в машине! – воскликнула я.

– Догадливая, – усмехнулся высокий. – А разве не оттуда его извлекли, перед тем как запереть тебя в камере?

Это было резонно. На правду нечего сказать, кроме правды! Я вставила ключ в замок, и, к моему удивлению, дверь открылась. Хотя чему уж тут удивляться? Я очутилась в тесной прихожей. Вошедший вслед за мной сотрудник милиции протянул руку и включил свет. Невольно я зажмурилась. Потом застыла в недоумении. Мне показалось, что я здесь уже

была. Я испугалась и замерла, не в силах сделать ни шагу.

– Так и будем стоять? – спросил высокий.

– А что прикажете делать?

– Иди в комнату.

И я его послушалась. Они шли следом. Уже в комнате я подумала, что пятый раз за день сходить с ума не стоит. Это я уже вряд ли переживу. Меж тем меня переполняли противоречивые чувства.

Да, я стояла на пороге, не в силах поверить своим глазам. Потом машинально сняла очки и подышала на стекла. Протерла их рукавом и вновь нацепила на нос. Ничего не изменилось. На столе, в рамке, стояла моя фотография.

Я прекрасно помнила эту фотографию. Одна из самых удачных. Пятилетней давности. На курсах секретарей-референтов от нас потребовали качественный фотоснимок, желательно студийный. Боссы, набиравшие себе секретарш, листали личные дела девушек и придирчиво рассматривали их портреты. Однажды я эту картину наблюдала.

Тогда-то я чуть ли не первый раз в жизни отправилась в дорогую фотостудию, к профессионалам. И разорилась на два снимка. В рост и лицо крупным планом. Оба портрета удались на славу. Благодаря обильной ретуши веснушки с моего лица почти исчезли, а нос выпрямился. Ресницы тоже не выглядели белесыми. С некоторой натяжкой меня можно было назвать хорошенькой. Это что касается крупного плана.

Что же касается цветного портрета в рост, то это он и был. В рамке, на столе. Если молодая женщина ростом под метр восемьдесят и у нее плохой аппетит, то она в любом случае будет выглядеть неплохо на фотографии в полный рост. Особенно если на женщине короткое платье. Моя талия значительно уже бедер, что же касается груди, то почти полное ее отсутствие компенсируется французским бюстгальтером модели «вандербра». Обе фотографии мне тогда настолько понравились, что я их продублировала. И, как оказалось, сделала большую ошибку. Я смотрела на снимок и пыталась понять, откуда он здесь взялся?

– Ну что? Узнаешь себя, Дана Кузнецова? – раздалось за моей спиной. – Или это твоя сестра-близнец?

Увы! Сестры у меня нет. Ни близнеца, ни какой-нибудь другой. У родителей я одна. Я знаю это на сто процентов. И это была моя фотография, хотя я не помню, чтобы кому-нибудь ее дарила. Чувство дежавю усилилось.

Поскольку я молчала, высокий подошел к дивану-кроватьи и откинул покрывало. Постель была разобрана. Я увидела скомканное одеяло и простыню с огромными бурыми пятнами. Это была кровь.

– Ну? – оскалился высокий, глядя мне прямо в глаза.

Машинально я поднесла руку к горлу. Показалось, что там застрял комок. Стало трудно дышать. Высокий меж тем схватил со спинки кресла кружевной бюстгальтер, подскочил и стал трясти им перед моим носом, крича при этом:

– А это что?! Это?! Не твое, скажешь?! Да?! Не твое?! Колись, сука! Рассказывай, как его убила! Колись!

И хотя бюстгальтер и в самом деле был мой, я по-прежнему не издала ни звука. Потом резко обернулась, но за моей спиной стоял маленький. словно предчувствуя следующее мое движение, он выхватил из внутреннего кармана куртки пистолет и угрожающе сказал:

– Только попробуй.

Если бы я не была человеком критической ситуации, я бы сейчас рассказала им все. Что было и чего не было. Они только этого и ждали. Высокий еще что-то кричал, но я его словно и не слышала. Когда мне показалось, что его словарный запас иссяк, я спросила:

– Можно мне...

– Признание написать? Ну давай! Вот бумага, ручка.

– Воды.

Он грязно выругался, а потом сказал:

– Это не баба, а кремень! Ну что ты с ней прикажешь делать?

– Что ты суетишься, Олег, – устало сказал маленький, пряча во внутренний карман куртки пистолет. – Улик – больше чем достаточно. На допросе следователь ее дожмет.

– Хотелось раскрыть убийство по горячим следам.

– Мы и раскрыли.

– Для того чтобы поставить точку, необходимо ее признание. Тогда наша работа будет сделана на сто процентов. – И

высокий с ненавистью посмотрел на меня: – Ну что, рыжая сука? Так и будешь молчать?

Я пожалала плечами:

– Кажется, я попросила воды. Может, нам всем троим пойти на кухню и попить чаю?

Если бы они знали историю моего развода, то не пришли бы в такое бешенство. Эта фраза была мною заучена больше чем десять лет назад и потому отлетала от зубов. Но именно это взбесило высокого настолько, что его симпатичное лицо перекосилось. Как же он мне напомнил бывшего мужа! Вот ведь! Все возвращается на круги своя!

Мне показалось, что он меня сейчас ударит. Но и это я уже проходила. Взгляд, которым я наградила высокого, был отретипирован. Никогда мой бывший не доносил своего огромного кулака до моих веснушек. Даже в моменты наивысшего раздражения. Он знал, что я – человек критической ситуации. И лучше меня не провоцировать.

Высокий тоже это понял, потому что его кулак бессильно опустился. Я решила, что им не хочется в меня стрелять. Или не положено. Им надо всего лишь получить мое письменное признание в убийстве, а к этому я еще не была готова.

Вместо того чтобы меня ударить, высокий отошел, потом взял со стола пустой бокал с намерением принести мне воды. В дверях комнаты я посторонилась. Не мудрствуя лукаво, он направился в санузел, собираясь напоить меня водой из-под крана, а я пила только кипяченую, поэтому сказала вслед:

– Там лампочка перегорела. Идите на кухню. Чайник на плите, в нем кипяченая вода.

После этого случилось неожиданное. Маленький вдруг расхохотался. И сквозь смех сказал:

– Это же не женщина, а нечто! Только что утверждала, будто и раньше бывала в этой квартире, но по-прежнему отрицает факт знакомства с потерпевшим!

– Отрицаю, – подтвердила я.

– Ну и как ты тогда это объяснишь? Откуда знаешь про чайник на плите и что лампочка в ванной перегорела? Когда мы пришли сюда утром, света в ванной комнате и в самом деле не было. А теперь лампочка там горит. Хочешь взглянуть?

– А почему вы сюда пришли? Утром?

– Догадайся с трех раз, – усмехнулся маленький.

– Ах, да! Счет на оплату коммунальных услуг! Васильева Е. Т.!

– Молодец!

– Вы увидели на столе мою фотографию, на простыне кровь, и... О Господи! Ну теперь мне все понятно!

– Это хорошо, что ты такая сообразительная, Дана Кузнецова, – сказал высокий, протягивая мне стакан. Вода в нем была кипяченая, из чайника, и я поняла, что он меня заужал. – Давай-ка присядем.

Я сделала глоток и оглядела комнату. На простыню с бурыми пятнами мне не хотелось садиться, я выбрала старое

кресло. Уселась в него и стала не спеша пить воду. Зато моих мучителей бурые пятна не смущали. Особенности профессии. Высокий уселся на диван-кровать, и тяжело вздохнул:

– Упрямая ты баба, Дана Кузнецова. Но ты хотя бы понимаешь, что дело твое труба?

– Я никого не убивала, – машинально сказала я, делая еще глоток.

– Ну хорошо. Давай по порядку. Ты здесь была?

– Не знаю.

– Фотография твоя?

– Да.

– Лифчик твой?

– Похоже.

– Про лампочку и чайник знаешь?

– Да.

– Выходит, что ты здесь была. Так?

– Не знаю.

– Ты что, не можешь сложить два и два?

– Могу. У меня была пятерка по алгебре. Постойте-ка... –

И тут до меня дошло. Сложить два и два! Есть простой тест!

Он позволит узнать с точностью до ста процентов, я или не я зарезала блондина! – Сколько раз его пырнули ножом?

– Три. Проникающих ножевых ранения на теле – три. Одно смертельное.

– Это не я. На все сто.

– Из чего такой вывод? – удивился маленький.

– Если бы его ударили ножом один раз. Или пять. А лучше десять. Тогда бы я сейчас же призналась в убийстве. Без колебаний. Но я не могла ударить его три раза! Ну не могла, и все! Это была не я!

– Почему же ты не могла ударить его ножом три раза? – переспросил высокий.

– Потому что все, что я делаю, кратно десяти! – выпалила я.

– Так. – Это уже сказал маленький. – Теперь под дурочку косим. Старый трюк. Решила прикинуться сумасшедшей. У тебя неплохо получается. Но скажу сразу – номер пустой. Мотать тебе срок за убийство, Кузнецова. На суд твой аргумент не произведет впечатления. «Все что я делаю, кратно десяти», – передразнил он. – Олег, как тебе?

– Встречал я в жизни придурков, но эта... Эта – нечто! – и высокий покрутил пальцем у виска.

– Теперь я начинаю понимать... – Я и в самом деле о многом теперь догадывалась. – Вы привезли меня сюда, чтобы, увидев кровь, свой портрет и прочее, я призналась в убийстве. Чтобы я взяла на себя это... это... Чудовищное злодеяние! Вот!

– Милая, ты напрасно стараешься, – вздохнул высокий. – Напишешь ты признание или нет, это ничего не меняет. Улик предостаточно. Ты пойдешь под суд, и тебе без малейших колебаний влепят лет десять. А вот если ты расскажешь, что убила его из ревности...

– Из ревности? – спросила я.

– Именно. Дело молодое. Ведь он был женат. Втайне от супруги снял эту квартиру, где вы встречались. Ты надеялась, что он на тебе женится. Он и обещался. Разведусь, мол, буду платить алименты. А с тобой, Дана Кузнецова, пойду под венец. И вот ты ему надоела, и твой любовник сказал правду. Что не хочет на тебе жениться. Прошла любовь, завяли помидоры. И чувства твои понятны. Услышав это, ты пришла в состояние аффекта и ударила его ножом. В этом случае картина меняется. И суд будет на твоей стороне. Ведь он же обманул тебя, подлец!

– Получается, что так, – согласилась я.

– Ну вот, видишь! – обрадовался высокий. – Все мы, мужики, гады и сволочи. И поступок твой с этой точки зрения правильный. Хотя и незаконный.

– И сколько мне дадут? За состояние аффекта?

– Немного, – заверил меня маленький. – Раза в два меньше.

– То есть десять разделить на два – получается пять.

Вот эта арифметика была мне понятна. Я задумалась. Скорее всего, он врет. Я ведь не читала Уголовный кодекс. Сначала надо проверить, а потом уже делать выводы. Убивала я блондина или не убивала. Я посмотрела на высокого, и его лицо вновь показалось мне симпатичным. Да и маленький ничего. Наполеон ведь тоже был маленького роста. Они искренне мне сочувствуют и хотят помочь. А я, дуреха, со-

противляюсь.

Вот всегда так! Критическая ситуация меня мобилизует. Когда мне делают плохо, я становлюсь нормальным человеком. И способна защищаться. Но если со мной по-хорошему, становлюсь амебой. Лучше бы он по-прежнему на меня кричал! Я ведь признаюсь в убийстве лишь для того, чтобы сделать им приятное. Такова уж моя натура.

Невольно я вздохнула.

– Ну что, Дана Кузнецова? Будем писать? – надавил на меня маленький.

Если бы он не поспешил...

Да, вот если бы он не поспешил... Они слишком уж торопились. Все понятно: суббота. Ночное дежурство. Погода – дрянь. А тут попалась упрямая девка, ко всему прочему рыжая. С веснушками по всему лицу. Они же меня ненавидят! Да, да! Именно так! Я мешаю им отправиться по домам, в теплые постельки, к своим женам! Или в кабак, отмечать раскрученное убийство! Они уже все распланировали, весь следующий воскресный день, а я им мешаю! Я не Дана Кузнецова! Мое имя здесь – «рыжая сука»! Или «наглая рыжая дрянь»!

Я уже говорила, что не люблю, когда не любят меня. Вновь сложилась критическая ситуация, и силы мои были мобилизованы. Я сделала глоток из бокала, который все еще держала в руке и ровным голосом сказала:

– Я никого не убивала.

Видимо, они очень устали. После бурной ночи они устали настолько, что даже не в состоянии были вновь на меня орать. Нам надо было взять тайм-аут.

Высокий поднялся с дивана-кровати и сказал:

– Ну хорошо. Поехали обратно в отделение. Я уже понял, что времени у тебя было мало, чтобы понять всю серьезность положения. Посиди-ка ты в камере, Дана Кузнецова. Подумаешь. Да и мы отдохнем.

– Согласна.

Я поднялась из кресла и поставила на стол пустой бокал. Машинально взглянула в окно. Вид за окном что-то мне напомнил. Вообще у меня было странное чувство. Я и узнавала эту квартиру, и не узнавала. Я узнавала место, но не узнавала события, которые здесь происходили. Память подсказывала мне другое. Не было драмы. Была мелодрама.

Или я и в самом деле сошла с ума? Нет, это неправда! Число ножевых ранений не кратно десяти! От этого я и буду отталкиваться!

– Можно мне в туалет? – спросила я.

– Иди, – милостиво кивнул маленький. – Но дверь не запирай. Только прикрой.

Я кивнула и направилась в ванную комнату. Санузел в этой квартире был совмещенный. Что меня не удивило. Удивило другое. Во-первых, лампочка. Она горела. Ах, да! С лампочкой все понятно! Это они ее ввернули! Надо же было осмотреть квартиру, где зарезали красивого блондина!

А во-вторых... Во-вторых, у меня подогнулись ноги. В ванной комнате на вешалке среди полотенец висел мой халат. Это был мой халат, в этом я не сомневалась ни секунды. Он был моего цвета и пах мною. Я прекрасно помню одну из своих любимых вещей. Халат был желтый и пушистый, как цыпленок. Если учесть, что у меня рыжие волосы, смотрелась я в нем очаровательно. Я надевала его от силы пару раз, а потом спрятала в шкаф до лучших времен, чтобы надеть после жарких объятий любимого. Надену на разгоряченное тело, и желтый цыплячий пух еще больше будет мне к лицу.

И вот теперь халат висел в этой ванной комнате. Я могла оставить его здесь только в одном случае: если бы моя мечта сбылась. Если бы сбылась любовь. Выходит, я и в самом деле встречалась здесь со своим любовником? С женатым человеком? Но почему я тогда этого не помню? Что за странная амнезия? И что вообще со мной происходит?

В зеркале я видела свое лицо. Перепуганное лицо рыжей дурехи. На стекле виднелись белые пятна: кто-то энергично чистил зубы, разбрызгивая зубную пасту. Неужели это была я? На полочке под зеркалом среди одноразовых бритвенных станков и зубных щеток сидел кролик и скалил зубы, черная шляпа вновь была на голове у моего мучителя. Мне хотелось зареветь. За что я так страдаю? Только бы и в самом деле не сойти с ума!..

...Когда я вышла из ванной комнаты, лицо у меня было такое, что высокий спросил:

– Быть может, еще водички?

«Быть может». Название моих духов. Которыми и пах желтый халат. Я отрицательно покачала головой: быть может, не стоит? Мне оставалось проверить последнюю догадку.

Когда мы вышли из квартиры, я сказала:

– Пойдите.

У входной двери лежал коврик. Резиновый коврик, какие продаются сплошь и рядом. Во всех хозяйственных магазинах. Черного цвета. Я нагнулась и откинула край. Под ковриком лежал ключ. Точно такой же я обнаружила сегодня в левом кармане своего замечательного пальто.

И вот тут я поняла окончательно: моя мечта разбилась вдребезги! На том конце провода никогда не возьмут трубку. Все кончено. Что же ты наделала, Дана Кузнецова? Что же ты, дуруха, наделала?!

Силы меня оставили. Я зарыдала. Я плакала по своему высокому блондину, по белой лошади, по пароходу, который никогда не покинет причал. Все кончено. Пальмы останутся в пустыне, которая и есть отныне моя жизнь.

Я рыдала, а они недоумевали. По чему или по кому так убивается рыжая дуруха? Моя жизнь была кончена, а они недоумевали!

– Ну что? Осознала? – мягко спросил высокий.

– Да.

– Напишешь признание?

– Я все расскажу следователю. Всю правду.

– Ладно. Поверим тебе, Дана Кузнецова. Иди в машину.

Все ж таки в них было что-то человеческое. Они не стали меня дожимать.

Я буду любить

В понедельник я в первый раз встретила со следователем, которому поручили вести мое дело. Дело Даны Кузнецовой. Об убийстве красивого блондина по имени Северный Максим Александрович. Имя это мне по-прежнему ничего не говорило.

Мы встретились со следователем в прокуратуре, в его кабинете, куда меня привезли из отделения. Здесь и должно было решиться: а что дальше? Я уже успокоилась, была собрана и сосредоточена. Первым делом он представился:

– Ильин Герман Осипович.

Я его внимательно оглядела. Что ж, он не был блондином. Уже хорошо. На его яйцеобразной голове сияла огромная лысина. Я подумала: должно быть, он умный. И потому, что лысый, и потому, что следователь. Мой взгляд остановился на очках. Кажется, мы друг друга пойдем. Как слабовидящий слабовидящего. Жаль, что он не рыжий. Очень жаль.

– Садитесь, Кузнецова, – предложил он, поскольку я все еще стояла.

– Куда?

– За стол, напротив меня.

Я села. Мой взгляд упал на ботинки, начищенные до блеска. Стол был такой же, как когда-то в учебных классах моей родной школы: четыре ножки и крышка. Я так и подумала:

«крышка», не столешница. Опустив глаза долу, я видела его брюки от колена, с идеальными стрелками, и блестящие ботинки. Пока он не открыл папку и не поправил очки. Услышав шелест страниц, я перевела взгляд на его лицо.

Теперь я видела его глаза. Скажу сразу: он меня не любил. Уже не любил. И вряд ли когда-нибудь полюбит. Как человека с огромной нежной душой. Другой любви мне не надо ни от кого, кроме моего высокого блондина.

– Ну что, Диана Сергеевна. Я ознакомился с вашим делом. Сердце мое упало. И? Я так и сказала:

– И?

И поставила в конце жирный знак вопроса.

– Факты – упрямая вещь. Против фактов, как говорится, не пойдешь. Хотя в деле есть странности. Скажите, Диана Сергеевна, зачем вы позвонили в милицию? – Он посмотрел на меня с интересом. Это была не любовь, но уже нечто.

– Я говорила: под окнами выла машина. Я не могла уснуть. Я хотела, чтобы отключили сигнализацию.

– А, по-моему, вы хотели скрыть следы преступления. Откуда бы на багажнике и на дверных ручках взяться вашим отпечаткам пальцев? Действовали вы грамотно, оружие убийства тщательно протерли. Я имею в виду нож. Но поскольку находились в состоянии аффекта, запутались, забыли, чего касались, а чего не касались. И придумали историю с воющей под окнами машиной. Может быть, сами же и включили сигнализацию. А?

– Но если бы я убила, почему же не избавилась от улики? От ножа и документов?

– Вы не ожидали, что мы так быстро выйдем на съемную квартиру и установим личность потерпевшего. Вы ведь изъяли у него документы. Только карманы пиджака проверить забыли. А там оказался счет на оплату коммунальных услуг. Это был, быть может, единственный ваш прокол.

– Быть может... – эхом откликнулась я.

– Простите, что вы сказали?

– Так. Мысли вслух.

– А хотите, я вам расскажу, как все было?

– Попробуйте.

Мне вдруг стало интересно. Ну-ка, ну-ка? Насколько его фантазия богаче моей? И есть там место для белой лошади?

– Вы женщина молодая, интересная. И одинокая. Когда-то были замужем, но не сложилось. Последовал развод. Возможно, в вашей душе появилась обида на всех мужчин. И вот через много лет вы встречаете женатого человека...

– Это я уже слышала, – с нетерпением перебила я. – О том, как в состоянии аффекта убила его ножом.

– Вот как? Хорошо. Я расскажу продолжение истории. Вы встретились в пятницу вечером, как обычно. Любовник сказал вам нечто, что сильно вас расстроило. Вспыхнула ссора. Вы его убили. Посмотреть на вас, так все становится понятно. Рыжеволосая девушка, высокого роста, темпераментная. Затаившая в душе глубокую обиду на изменников. Ну,

случилось. Бывает. Возник вопрос: что делать с трупом? В тюрьму вам, как я уже понял, не хочется. Вы решили отвезти тело за город и выбросить где-нибудь в лесу. Или в реке утопить. Повесить на шею камень – и концы в воду. Но было уже темно, а вы близоруки. И водительского стажа маловато. Вы побоялись ехать ночью, да и подозрение можно навлечь. В багажнике-то труп! Да и машина не ваша. Вы решили переждать до утра. Отдохнуть, хорошенько все обдумать. Изъяли у любовника документы, орудие убийства предусмотрительно прихватили с собой. Чтобы впоследствии от него избавиться. Вы подъехали к дому в одиннадцать часов вечера. Было уже поздно. Вы надеялись, что никто вас не увидит. Оставили машину с трупом под окном и поднялись в квартиру. А ночью вас вдруг охватила паника. Это бывает. Осмыслили случившееся и запаниковали. Мысль о том, чтобы везти за город труп, показалась вам слишком смелой. Да еще и на чужой машине! Вы подумали, что труп надо подсунуть сотрудникам милиции. Авось пронесет. Не будут же они подозревать человека, который сам напросился в свидетели? Вы ведь хотели поутру потихоньку избавиться от улики. Поехать на квартиру, которую снимал ваш любовник, и уничтожить следы своего пребывания в ней. Ведь там еще оставались ваши вещи. И фотография. И халат. Возможно, что ночью вы упустили это из виду, поскольку вас в первую очередь волновал труп. А потом уже все остальное. Утром вы, возможно, спохватились. И хотели уже ехать. Но мы вас опередили.

Потому что вы допустили оплошность: забыли про счет. Вы рассчитывали, что мы долго будем устанавливать личность убитого. Поскольку выходные, и все такое. Милиция, мол, не разбежится. Ведь так?

– Нет, не так. Здесь вы ошибаетесь. Я приехала домой не в одиннадцать часов вечера, а в три часа ночи.

– Диана Сергеевна, зачем вы упорствуете? Ведь вас же видели! И вы это знаете!

– Интересно, кто меня видел?

Неужели же повезло? Я думала, что за занавесками на темных окнах «сообщества трех панельных домов, предназначенных под снос» никто не прячется. Ан нет! Мое торжество видели! Какое счастье!

– После того как вас отвезли в отделение, старший оперуполномоченный Александр Мельников и оперуполномоченный Олег Зубов вернулись и опросили жильцов вашего дома. Кое-что интересное они узнали. В деле имеются показания Иванцовой Марии Федоровны, проживающей по адресу...

– Ах, баба Маша! С четвертого этажа! У нее еще маленький белый пудель! Маняша! Так зовут пуделя!

– Именно. Около одиннадцати часов вечера пудель попросился во двор, и свидетельница отправилась его выгуливать. Она видела, как дому подъехал синий «Фольксваген»...

– Баба Маша разбирается в марках машин? – удивилась я. – Вот уж не думала!

– Ей показали фотографию, – терпеливо пояснил следователь. – И она без колебаний сказала: да, именно такая машина и подъехала к подъезду. В одиннадцать часов вечера. Из нее вышли вы и направились в подъезд. Свидетельница очень удивилась. Она ведь знает, что у вас нет машины.

– Я ей что-то сказала? Бабе Маше?

– Она была довольно далеко, в районе детской площадки. И подумала, что кричать не стоит, даже если очень хочется узнать, откуда у девушки, работающей секретаршей, вдруг появилась машина-иномарка. Да и вы не обернулись.

– Почему же она так уверена, что это была именно я?

– Потому что она встречает вас почти каждое утро. И знает, как вы одеваетесь, когда идете на работу.

– И как же я одеваюсь?

– На женщине, которая вышла из синей машины, было болоньевое пальто бордового цвета с разводами, как утверждает свидетельница. И сапоги-унты.

– Это пальто из плащевой ткани, – машинально поправила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.